
ПОВЕСТЬ

Владимир Сапожников
(г. Тула)

РУССКИЙ ДОКТОР
Отрывок из повести

*Посвящается всем участникам
Десантов Детского Фонда СССР
в Среднюю Азию*

Поле аэродрома было окутано беловатым вечерним туманом, низко стелящимся у самой травы. Участники бригады Десанта Детского Фонда, улетающие на лето в Киргизию для оказания медицинской помощи больным детям в связи с эпидемией, расположились кто как смог: на рюкзаках, сумках, просто присев на теплую июньскую землю в ожидании посадки в самолет.

Сергей — тридцатидвухлетний кандидат медицинских наук, сотрудник педиатрической кафедры мединститута, прилег на спину, подсунув под голову свой большой синий чемодан, наполненный всем необходимым в командировке: запасным бельем, одеждой, носками, банками с консервами (на всякий случай!) и, конечно же, несколькими книгами. В основном это были справочники по педиатрии, детским инфекциям, интенсивной терапии. Память человека не беспредельна! Да и мало ли чего необычного встретится в той далекой, неизведанной, а поэтому манящей, Средней Азии! Затылком, сквозь ткань стенки чемодана он как раз явственно ощутил угол какой-то из захваченных книг, и, видимо, поэтому в голове проплыли, прозвучали напевные названия: «Киргизия... Узбекистан...»

Месяц тому назад им на кафедру пришла разнарядка по участию в акции Десанта Детского Фонда. Женщинам, работавшим в их коллективе, мешали поехать их дети, болезни. Да и желанием попасть в очаг кишечной и прочей инфекции никто не горел. Поэтому пришлось согласиться ему и сослуживцу — Машкову Ивану Ивановичу — единственным, не считая одного бывшего комсомольского работника, мужчинам в их коллективе.

...Сергей с Гулей подошли к крайней от двери металлической кровати, на которой лежала смугленькая девочка полутора лет. Глазенки ее были прикрыты. Головка, как ватная, откинулась назад. Дряблые, истощенные ножки и ручки, обтянутые сухой кожей, под которой не определялась подкожножировая клетчатка, бессильно свисали вниз, когда во время осмотра Сергей взял ее на руки.

Мать девочки — женщина в дурно пахнущем, бесцветном из-за грязи халате, в наехавшем на глаза платке, угрюмо, без надежды смотрела на русского врача. Девочка находилась без сознания. Из истории болезни, зачитанной Гулей, и из ее переговоров с матерью Степанов узнал, что ребенок заболел около трех недель тому назад, когда появился жидкий, со слизью и свежей кровью стул, до десяти раз в сутки.

Но родители, живущие в кишлаке, обратились не к врачу, а к мулле. Тот все это время «лечил» девочку на дому. Давал жевать опий, выпускал «дурную кровь». С ужасом при осмотре врач обнаружил на груди и худеньких плечиках ребенка множественные ранки от надрезов, сделанных чем-то острым, вероятно, лезвием бритвы. У ребенка, безусловно, была острая кишечная инфекция. По характеру стула, скорее всего, дизентерия, осложнившаяся из-за отсутствия лечения развитием инфекционно-токсического шока со значительным общим обезвоживанием. Спасти ребенка можно было, только немедленно наладив внутривенное переливание кровезаменителей, крови, других лечебных растворов и жидкостей. Медлить было нельзя! В любой момент могла наступить остановка сердца или дыхания, или того и другого одновременно.

Сергей подхватил на руки легонькое, воздушное тельце девчушки и бегом понес ее по коридору в реанимацию. С девочкой на руках он вбежал в реанимационный зал. Работавшая там Маша сразу все поняла, освободила процедурный стол.

— Маша, нужно быстро взять кровь из вены для определения группы, резус-фактора... Готовь систему для переливания, пузырек реополиглюкина* для начала. Вводи внутривенно, струйно преднизолон..., — он отдавал распоряжения Маше, а сам лихорадочно осматривал голени, локтевые сгибы в поисках вен для постановки катетера.

Сероватые тонкие ниточки сосудов еле просматривались под сухой, пергаментной кожей на теле ребенка. Взяв заряженный шприц с одетой на него иглой, наложив жгут, Степанов с большим трудом, потягивая поршень шприца на себя, по появлению в его просвете капелек алой крови понял, что попал к счастью в сосудик. Осторожно, по игле ввел проводник из тонкой лески в катетер. Подключил к концу катетера уже приготовленную Машей систему для переливания, и маленькие, живительные капельки прозрачного, как слеза, реополиглюкина начали ритмично падать вниз в смесителе одноразовой системы. Сергей в листе назначений подробно расписал, сколько и чего нужно вводить этой больной сегодня в течение суток, чтобы она выжила, справилась с многодневным обезвоживанием. Получилось около литра жидкости внутривенно в сутки.

* * *

В уголке кровати у окна, среди вороха каких-то бесцветных, грязноватых тряпочек, простыней лежал маленький мальчик, двух лет отроду. Из-за сморщенного по-стариковски лобика, густых темных бровей на Сергея смотрели не по-детски серьезные, страдающие, голодные черные глаза. Смотрели настороженно, жалобно и осмысленно.

— Ребенок родился с весом 3500 грамм, сейчас весит 5000 грамм. Около месяца тому назад появился частый, до пяти-шести раз в сутки, жидкий стул со слизью, кровью..., — зачитывала выдержку из истории болезни Гуля.

Мать мальчика — среднего роста, плотная, вовсе неистощенная женщина, как и большинство из обитательниц больницы — в низко повязанной цветастой косынке, закрывающей большую половину нижней части лица, неопределенно среднего воз-

* Реополиглюкин — лечебный раствор, эффективно используемый для внутривенного введения в полость вены.

раста, с заспанными безразличными глазами молча наблюдала за тем, как врач взял ее крайне истощенного гипотрофичного* ребенка за слабенькие ручонки и попытался посадить. В ответ на это мальчик заплакал. А если сказать точнее, так как на полноценный плач у него явно не хватало сил — он отозвался скрипучим, раздраженным, дребезжащим звуком. Но пальцы доктора не спешил отпускать — значит, хочет сидеть! Хочет жить, но никто ему не помогает в этом естественном желании!

От жалости у Степанова кто-то холодной рукой сдавил до боли сердце. Таких истощенных, неухоженных детей он еще не видел никогда в своей жизни, даже на картинках в учебниках.

Подкожножировая клетчатка у мальчика практически отсутствовала на груди, животе, конечностях. Ручки и ножки, все его тело было покрыто сухой, в желто-зелено-бурых переливах, плохо расправляющейся из-за складок кожей, под которой кое-где определялись при пальцевом исследовании катающиеся комочки жидкости. «Безбелковые отеки! До такого состояния детей доводили только в Освенциме фашисты во время войны!» — невольно пронеслось в голове Сергея. Он поймал в который раз ищущий взгляд ребенка, дал ему в рот соску от бутылки с налитым раствором глюкозы, стоявшую на тумбочке. Мальчик начал жадно пить. В глазах у Гули Степанов уловил те же чувства, что всколыхнули и его душу.

— Спроси, сколько раз у него вчера был стул?

Гуля перевела. Мать мальчика медленно и безучастно ответила ей по-узбекски.

— Четыре раза. Жидкий, но без крови, — разъяснила Гуля.

— Какого цвета? Желтый? Уточни, пожалуйста, — попросил Сергей.

— Сарок**? — спросила медсестра.

— Сарок, сарок, — кивнула женщина.

— Спроси, чем и сколько раз в день она его кормит. Дает ли мясные блюда, рис, что еще?

Гуля послушно начала расспрашивать мать на узбекском языке. Та как-то ступсывалась и отвечала неохотно. Гуля скривилась от ее слов и перевела:

— Она говорит, что дает лепешку и зеленый чай. Говорит, зачем кормить чем-то еще, все равно мы будем ставить капельницы, — и добавила от себя: — Вот такие у нас мамашки встречаются, Сергей Владимирович.

От циничности ответа Сергея просто перевернуло. Тут, не выдержав, вмешалась другая мать — молодая, лет двадцати пяти, опрятно, по-европейски одетая, черноволосая женщина с внешностью китайки или кореянки:

— Доктор, ничем она его не кормит, плохо за ним ухаживает. Дрыхнет круглые сутки, а он лежит голодный, обкаканный и пищит. Совести у нее совсем нет!

Эту женщину поддержали дружно все остальные обитательницы палаты, загалдев по-русски, по-узбекски, по-киргизски. От проявления такой неприязни мать Махмуда, так звали мальчика, сжалась, втянула голову в плечи, отодвинулась в самый угол палаты.

— Ладно, ладно! Хватит! Тихо! Доктор сейчас сам разберется! — осадила женщин Гуля.

— Гуля, я вас прошу, возьмите этого ребенка под свой личный контроль. Сами варите ему рисовый отвар и кормите его в виде каши почаще, малыми порциями. Пусть диетсестра выпишет ему мясные блюда, пюре, фарш... и, конечно, антибиотики, что назначены, продолжим. Кроме этого будем лить внутривенно... Я распишу в листе назначений, сколько ему нужно и чего. Определите у него группу крови и ре-

* Прим. (авт.): гипотрофия — хроническое расстройство питания с развитием дефицита веса по отношению к росту ребенка

** Прим. (авт.): сарок — желтый (узб.)

зус-фактор. Гемоглобин крови очень низкий у малыша, развилась тяжелая анемия, поэтому будем переливать кровь...

* * *

...Придя в больницу, Степанов привычно осмотрел всех тяжелых детей по отделению, зашел в отдельную палату, где лежал голубоглазый Рафик с его вспльчивой мамой. Но в палате лежали другие, вновь поступившие больные.

— А где Рафик? — спросил он дежурную сестру.

— Он затяжелел за ночь, поэтому вчера вечером был переведен в отделение реанимации, — пояснила та.

Закончив обход в отделении, Сергей зашел в реанимацию. Толкнул дверь в ординаторскую, там, сидя на диване, смотрел теленовости дежурный молодой врач, год тому назад закончивший Киргизский мединститут, кореец по национальности Игорь Васильевич Ким. Все звали его просто по имени — Игорь.

Увидев Степанова, Игорь приветствовал его приятной улыбкой. Они пожали друг другу руки. Пальцы у Игоря были сильными, жесткими. «Наверное, не выдумывают, что у него красный пояс по карате», — невольно вспомнил об этом Сергей.

— Как дела у вас сегодня? Тяжелых больных много? — поинтересовался Сергей. Ким разлил по пиалам зеленый чай, пододвинул одну из них Степанову:

— Угощайтесь чайком, Сергей Владимирович. Вроде все более-менее спокойно пока. В реанимации сейчас всего семь детей.

— А почему вчера Рафика из моей палаты перевели к вам?

— Это Саид Казиханович его забрал. Мальчик затяжелел к вечеру, токсикоз нарастал, участился жидкий стул с кровью. Пришлось добавить еще один антибиотик внутривенно. Стул к вечеру нормализовался, но у него усилилась дыхательная недостаточность. Утром осмотрели его с Латыповым — в легких очаговые нарушения, пневмония, похоже с обеих сторон определяется.

— А какова у него сейчас частота дыхательных движений?

Игорь порылся в куче процедурных листов, лежавших на столе, нашел нужный:

— Да особой одышки нет...

— А температура тела какая сейчас?

— С утра была 38,5 градусов, а сейчас — нормальная.

Сергей допил свой чай.

— Схожу, взгляну на Рафика, что там с ним случилось.

Мальчика и его мать он нашел в отдельной реанимационной палате. Женщина выглядела убитой горем. Потухшим, почти безжизненным взглядом встретила русского врача, даже не попытавшись улыбнуться. Видимо от бессонной ночи, она сильно постарела за эти сутки, под глазами пролегли серые тени, лоб прорезали две поперечные морщины. Рафика, укутанного в одеяло, она монотонно покачивала на руках.

Сергей развернул малыша, осмотрел его. Да, мальчик заметно затяжелел. Он был в сознании, но почти не реагировал на осмотр, плохо держал голову, не проявлял желаний сидеть. Кожные покровы приобрели мертвенно-серую окраску.

Ребенок дышал тяжело, с трудом, со свистом, выдох был шумным. Степанов прослушал его со всех сторон — дыхание почти не различалось над легкими. А если и определялось — то заметно ослабленное, жесткое, с рассеянными сухими хрипами.

— Как у него со стулом дела? — спросил доктор маму Рафика.

— Вчера был несколько раз с утра, жидкий, с кровью. Но с утра сегодня только один раз сходил и без крови... Что с ним, Сергей Владимирович? Он не умрет? У моей сестры вот так в больнице умер сын в таком же возрасте..., — и женщина разрыдалась.

— Успокойтесь, не надо. Пожалуйста, не плачьте. У мальчика ухудшение связано с тем, что развился по существу астматический статус... У вас в семье кто-нибудь болел бронхиальной астмой?

— Болеет. Моя сестра и болеет астмой... Но ему можно помочь? Или... или уже все?! Я вижу, как он тает на глазах...— она взглянула ему прямо в лицо своими полными горя темными глазами.

— Значит так, все антибиотики, все лекарства, кроме нитрофурановых я ему сейчас отменю. Его можно спасти, обеспечив регулярное внутривенное введение преднизолонa. Это мы ему сейчас и назначим. Наберитесь терпения, успокойтесь. Что сейчас нужно от вас кроме терпения и не раскисать —это поить мальчика регидроном, он у вас есть. * Прошу вас — будьте мужественны. Мы должны его вылечить. И вылечим. Легче ему станет не сразу, может, завтра, может, послезавтра, но так обязательно будет...

Женщина устало вытерла ладонью слезы с глаз:

— Хоп. ** Делайте, как считаете нужным. Я вам верю.

Сергей нашел дежурившую в реанимации медсестру Фатиму — красивую, статную, с привлекательными глазами, молодую узбечку, говорившую по-русски без малейшего акцента:

— Фатима, я сейчас все распишу в листе назначений... Рафику отменим все антибиотики. Внутривенно начните прямо сейчас, при мне. Будем вводить только преднизолон в дозе из расчета пока один миллиграмм на каждый килограмм массы тела в сутки, четырехкратно... Разводите на физрастворе. Катетер у него хорошо функционирует? Тромба нет?

— Нет, Сергей Владимирович, недавно вводила ему антибиотик внутривенно, проходит все без проблем. Приступаю сейчас к введению преднизолонa... Хоп. Все поняла,— девушка одарила его своей белозубой улыбкой.

«Почти так же улыбнулась, как Фирюза»,— невольно подумалось Сергею, но додумать эту тему не дали — сообщили, что вызывают в приемный покой — «скорая» привезла нового больного...

Степанов проснулся после недолгого забытья в ординаторской от того, что ощутил какое-то непонятное, но явственное движение, покачивание пола, всего здания. Открыв в недоумении глаза — понял, что слегка отъехал от стены вместе с диваном.

«Черт, чего это такое — мерещится мне, что ли?» — не мог понять происходившего спросонья. В этот момент легкое скольжение дивана от стены повторилось. Качнулась, задрезжала люстра под потолком.

В испуге Степанов вскочил на ноги, до него наконец-то дошло — что это землетрясение.

Посмотрел на часы — пять ночи. Было сумрачно, тихо и поэтому как-то жутко. Решил пройтись до поста медсестры. Набросил халат, вышел в окутанный сумраком длинный отделенческий коридор.

Где-то в середине его, за столом, придвинутым к окну, при неярком свете настольной лампы маячила на стуле сгорбленная, неясная фигура задремавшей сидя медсестры. Подземные толчки больше не повторялись.

Больные и их матери спокойно спали по палатам. Из отдельных полуприкрытых дверей были слышно чье-то сопение, одиночное покашливание.

* Прим. (авт.): нитрофурановые препараты — применяются при лечении кишечных инфекций у детей; преднизолон — гормональный препарат, используется для лечения аллергических заболеваний легких; регидрон — раствор, используемый для восполнения потерь жидкости, солей при кишечных инфекциях.

** Прим. (авт.): Хоп — используется в значении «ладно» (узб., кирг.).

Подойдя к медсестре, Сергей уже раздумал ее будить, но девушка зашевелилась и сама подняла голову.

— Что-то случилось, Сергей Владимирович? — отряхнулась ото сна, спросила она.

— Да нет, ничего. Видимо, было землетрясение. Люстра закачалась и диван поехал вместе со мной... Или мне показалось?

— Скорее всего, не показалось. У нас это бывает частенько. Видимо, не сильно трянуло — балла на три. Иначе бы я почувствовала...

— Ладно, отдыхай, отдыхай... Я пойду — тоже попробую прилечь. Вроде все тихо, даже странно...

Он вернулся в ординаторскую. Снял халат, туфли, опять прилег на застеленный диван. Но сон не шел.

Перед глазами пробежали картины прошедшего дня: измученные, наполненные страданием глаза больных детей, их вздутые, по-лягушачьи распластанные от недокормов и болезней животы, застывшие, угрюмые лица их матерей...

Вдруг ему показалось, что слышит где-то вдали неясный жалобный плач ребенка. Он даже присел на диване в ожидании стука в дверь. Но, просидев так минут пять — понял, что послышалось. Никто его не звал.

Тогда он решил все-таки прилечь. Усталость сдавливала виски, тяжестью наливались веки. И он упал на подушку и провалился куда-то в темноту.

— Сергей Владимирович, Сергей Владимирович... Проснитесь! Вызывают... Очировой на втором этаже плохо стало..., — медсестра трясла его за плечо. Он вскочил, натянул непослушный халат, засунул ноги в туфли и побежал по лестнице на второй этаж.

На кровати в палате он нашел бездыханное тело шестимесячной девочки, которая уже две недели лечилась в больнице по поводу кровавого стула, острой кишечной инфекции. Вроде шла на поправку и, надо же — дала остановку дыхания и сердца.

«В медицине все происходит по закону парных случаев... Опять мать приспала, придавила, невольно придушив девочку во сне... Сколько можно запрещать этим бестолковым матерям спать в одной постели с маленькими детьми!» — с досадой думал Сергей, бегом, делая на ходу искусственное дыхание через наброшенную на лицо ребенка маску, спуская девочку в реанимационный зал.

Там они продолжили реанимационные мероприятия втроем: он, подошедший Игорь Ким и Фатима. Делали сначала искусственное дыхание и закрытый массаж сердца, вводили в вену, а затем внутрисердечно, стимуляторы, но...

Провозились минут сорок. Вспотели, хоть отжимай халаты — но сердце завести не удалось, оно молчало. Дыхание тоже не восстанавливалось. И, смахнув с лица стекающий струйками соленый пот, Степанов в конце концов был вынужден дать команду:

— Все. Кончаем. Бесполезно. Не удалось.

Еще теплое детское тельце завернули в простыню. Сергей, сгорбившись, вышел из реанимационного зала в коридор. Игорь вышел следом. Прислонились к стене. Ким достал из кармана пачку сигарет, предложил:

— Будете? Закурим? — и, щелкнув зажигалкой, затянулся табачным дымом. Сергей, некурящий вообще-то человек, поколебавшись, последовал его примеру. Затянулся дымком. Закашлялся. Бросил сигарету в урну.

— Не идет мне курить... Ну, что — надо выходить к матери девочки... Поговорить с ней...

Когда Игорь докурил, вместе вышли из реанимации в коридор отделения.

Мать умершей девочки дожидалась их у двери, опустив голову, втянув ее в ху-

денькие, совсем девичьи плечи. Степанов закашлялся, першило в горле от попробованной сигареты, хрипло сказал:

— К сожалению, наши мероприятия по оказанию реанимационной помощи оказались бесполезными. Оживить ребенка не удалось, хотя было сделано все возможное. Девочка умерла.

Не поднимая на них глаз, как будто не до конца поняв, что произошло, молча, Очилова повернулась к ним спиной и побрела по коридору.

— Она нас правильно поняла? — спросил Степанов Игоря.

— Конечно. Она и без перевода все поняла, по нашему виду. Я сейчас попрошу кого-нибудь посидеть с ней, до прихода родственников.

— Ладно. А я пойду в ординаторскую. Вызову машину, отправим тело в морг.

Ким несколько удивленно поглядел на него:

— В морг? А нужно ли? У нас не всегда отправляют.

— Как — не всегда? Положено провести вскрытие, судебно-медицинское обследование о причинах смерти...

— А не боитесь?

— А чего бояться? Я поступаю в соответствии с законом, — не придав значения загадочной осторожности Игоря Сергей и пошел в ординаторскую — вызывать по телефону машину...

Та приехала на удивление быстро. Только-только Сергей дописал направление на судебно-медицинское обследование трупа, как за окном ординаторской в еще не развеявшейся утренней мгле мелькнул свет фар подъехавшей машины «скорой помощи».

Девочку, а точнее ее тело — ту необъяснимую, почти иллюзорную оболочку, которая остается какое-то время после того, как замолкает сердце, перестают дышать легкие, останавливается кровь во всех сосудах, погрузили в салон «Волги», и машина отъехала. Сергей взглянул на часы на стене ординаторской. Было полседьмого утра.

Попив в одиночестве — Игорь где-то задерживался, — зеленого чая, сел писать посмертный эпикриз в историю болезни Очиловой.

Было тихо в этот предрассветный час. Вдруг Степанов услышал звон разбиваемого стекла, женские, мужские крики на непонятном языке, шум, доносившийся со стороны входа в реанимацию с улицы.

Когда Сергей вышел в небольшой холл реанимации, то застал там неожиданную картину.

На полу валялись осколки разбитой стеклянной двери, одна половина которой висела на уже единственной искривленной петле. Низ двери был разбит, поломан в щепки, видимо, от удара ногой.

Фатима с побелевшим лицом пыталась пальцами левой руки остановить кровь из сильно кровоточившей рваной раны на предплечье ее правой руки. Это ей с трудом удавалось. Кровью был уже залит весь подол ее халата. Лужица крови натекла на пол.

Молодой мужчина лет тридцати, высокий, в темной рубашке и брюках, с выражением дикой ярости на заострившемся лице наседавал на Игоря Кима, у которого из носа уже текла кровь, и глаз медленно заплывал от синяка. Нападающий ударял вяло защищающегося Игоря мелькающими в воздухе кулаками и ногами. При этом он что-то злобно выкрикивал по-киргизски.

Небольшая группка проснувшихся матерей, набежавших на шум из палат, боязливо сбилась в кучку, молча наблюдая за избиением.

Увидев подбежавшего Степанова, мужчина, а Сергей тут догадался, что это был Очилов — отец умершей девочки, оставил Кима и, взревев, как раненый зверь, бросился с кулаками на другого врача.

— А, русский фашист... Убью! — Очиллов с этими словами бешено налетел на русского доктора, который с трудом увернулся от мелькнувших перед глазами кулаков. Помогла выучка, полученная во время уличных драк в юности.

«Черт, его мне нельзя бить... Скажут, избил родителя погибшей больной...», — успела промелькнуть в голове мысль. В этот момент Очиллов в животной ярости все-таки достал его ногой. Но, правда, в последний момент Сергей успел прикрыться от более неприятных возможных последствий удара, подставив под ногу нападавшего свою голень. От этого разгоряченный чем-то, судя по одурманенному мутному взгляду — опиумом, Очиллов упал на пол. Пока он порывался подняться, Степанову удалось жестко захватить, завернув в локте за спину, руку нападавшего.

— Прекратите! Вы что это вытворяете?! — крикнул Сергей, дав обидчику подняться с пола на ноги. Но, когда тот попытался вырваться, доктор, усилив фиксацию завернутой руки, подтвердил бесполезность этих попыток.

— Позовите его жену! — крикнул Сергей наблюдавшим с интересом за их схваткой женщинам. — Пусть отведет его домой. Успокоится, проспит...

Кто-то побежал за Очилловой. Ее муж подергался, подергался, поматерился, обзывая врачей убийцами, но бесполезно — Степанов надежно его удерживал.

Подошла жена нападавшего. Сергей передал ей взбесившегося, находящегося явно под воздействием наркотиков мужа. Та с трудом, повиснув на руке мужа, не позволила ему вырваться и вновь напасть на медиков.

— Расходитесь, концерт окончен! — разогнала по палатам матерей подошедшая мать Рафика. — И вы идите домой! Разве врачи не сделали все, что от них зависело?! — обратилась она к Очилловым. И те медленно, ворча, поблескивая воспаленными глазами, побрели прочь от «ворот в рай».

— Чего они так взбеленились? Ну, понятно, горе большое... Но мы, действительно, не виноваты, что она ее приспала, — высказал свое недоразумение вслух Сергей.

— Да разве дело в том, что она умерла, — пояснила мать Рафика. — Нельзя было тело отправлять в морг, на вскрытие по мусульманской вере. Да и пролежит там теперь до понедельника. Сегодня воскресенье — никто из судебных экспертов вскрытием заниматься не будет... А по обычаю — мусульманин должен быть захоронен, предан земле не позднее заката солнца в день смерти...

— Так мне же этого никто не объяснил... Да та же Очиллова сказала бы, как требуют их обычаи — и я не стал бы без их согласия переправлять труп в морг, на экспертизу, — посетовал Степанов. Но делать было нечего, к тому же необходимо остановить кровотечение из раны на руке Фатимы.

— Игорь, ты как — тебе обработать ссадины надо? — спросил Сергей у Кима.

— Ничего. Все нормально. Обойдется.

— Хорошо. Тогда вызывай «скорую» для Фатимы, отправим ее в травмпункт. Пусть там аккуратненько обработают и ушьют рану. А я пока наложу ей жгут на руку и тугую повязку... Да, и позвони на всякий случай в милицию. Пусть приедут, составят протокол, как положено...

— Хоп, Сергей Владимирович.

Игорь пошел в ординаторскую звонить, а Степанов в перевязочной быстро и тщательно обработал рану Фатиме, остановил кровотечение.

— Это как ты порезалась так? — спросил он девушку.

— Да он ударил меня. Я упала боком, рукой налетела на стеклянную дверь. Стекло лопнуло и упало мне на руку... Вот так все и вышло...

— Понятно. Приляг на кушетку до приезда машины.

Сергей оставил раненую медсестру, прошел в ординаторскую, где сидел Игорь.

— Как — дозвонился? — спросил он Кима.

— Да, тут же дозвонился, сейчас подъедут и те и другие.

— Ну, что ж, проследи, пожалуйста, за Фатимой. А я допишу, наконец, посмертный эпикриз.

Сначала приехала машина «скорой помощи», которая забрала раненую. Минут через десять после этого Сергей в окно ординаторской увидел, что к крыльцу подъехал «уазик» с тремя милиционерами, не считая водителя. Спустя некоторое время в ординаторскую зашел милицейский капитан — высокий, темноволосый, с незапоминающимся лицом, молодой мужчина.

— Ассалам-аллейкум*. Что тут у вас произошло? — капитан поздоровался с Сергеем за руку, присел на стул, расстегнул сумку, достал бумагу, авторучку.

— Нападение. Вот видели, дверь сломал, медсестру поранил, сейчас отвезли ее в травмпункт, моему коллеге лицо разукрасил... Вы его не встретили в коридоре?

— Встретил. Мы с ним переговорили. Он пошел грелку со льдом к синяку на лице прикладывать... Ну, давайте составим протокол: когда, как это случилось, при каких обстоятельствах, как здесь хулиганил...

В это время дверь ординаторской открылась, и вошел... сам Очиллов собственной персоной. Взглянул хмуро на капитана, поздоровался с ним за руку.

Они — капитан все также сидя на стуле, Очиллов — перемещаясь медленно по комнате, как будто в нетерпении, начали о чем-то оживленно говорить между собой по-узбекски. Изредка, во время разговора, Очиллов бросал в сторону Степанова полный жажды мести и ненависти взгляд, не вынимая при этом правую руку из кармана брюк. Даже присев потом на диване, он так и не вынул руку из кармана.

«Что-то там зажал в кулаке... Может, приготовил нож для меня?» — невольно подумал Сергей и внутренне напрягся, ни на минуту не спуская глаз с вошедшего. Тот, видимо, ощутил это внутреннее напряжение, готовность доктора к отпору в случае необходимости. И, поговорив с милиционером, покругив по ординаторской под пристальным взглядом русского доктора, Очиллов вышел.

В окно Сергей видел, что он не ушел, а выжидательно, все так же держа правую руку в кармане брюк, остановился на крыльце, у входа в реанимацию, начал о чем-то оживленно беседовать с другими милиционерами.

Капитан между тем деловито записал в блокнот показания Сергея, дал ему подписать протокол, а затем засобиравшись уходил.

Степанов взглянул на часы — они показывали уже полдевятого. Его дежурство закончилось полчаса тому назад. Из коридора он услышал голоса пришедших на смену им с Кимом Демократа Салжоевича и Назимы Мухтаровны — врача из отделения на втором этаже.

— А Очиллова вы заберете с собой? — спросил Сергей уже выходящего капитана.

— Мы его потом вызовем в отделение, допросим, — ответил тот. — Не волнуйтесь, доктор, с хулиганом разберемся обязательно.

Хлопнула закрываемая дверь в ординаторской, неспешные шаги уходящего милиционера разносились по коридору... «Да, разберетесь, составите протокол, если меня прирежут. У Очиллова в кармане точно нож припрятан... Это уже серьезнее. Всадит в спину, когда буду уходить с дежурства по «кишлачной» улице — с него и спрос будет маленький, раз находился в состоянии аффекта после смерти дочери... — пронеслись в голове Сергея мрачные мысли.

Нужно было действовать быстро, пока наряд милиции не уехал. Он понял, что в этой ситуации остается только одно — побудить Очиллова броситься на него с ножом не потом, а сейчас, на глазах у милиционеров и свидетелей — медиков и с интересом наблюдавших из окон палат матерей. Тогда наряд не сможет не забрать хулигана.

* Прим. (авт.): ассалам-аллейкум (узб.) — здравствуйте.

* * *

«Уазик» уже заворчал заводимым мотором, капитан поставил ногу на подножку, готовясь сесть на сиденье в кабине, рядом с водителем, когда из «ворот в рай» вышел Сергей и пошел прямо навстречу Очилову.

Их разделяло шага три, когда тот не выдержал, заорав диким голосом: «Русская сволочь! Убью!» — метнулся, наконец-то вытащив руку из кармана, в сторону доктора.

Сергей в этот момент поворачивался к нему спиной. Он был готов к схватке. Подловив нападавшего на прием, перехватил занесенную руку того с зажатым в кулаке, блеснувшим лезвием на солнце, длинным стилетом.

— О-о-о-о!!! Фашист! Убью! — почти завывал вырывающийся, бьющийся в руках Сергея Очилов. Доктор подтащил его на глазах у выскочивших врачей и медсестер, припавших к окнам, казалось, всех матерей, лежавших в больнице, к ногам раздумавшего все-таки садиться в машину капитана.

— Как, капитан, и теперь его оставите? Тогда я его сейчас сам к вам приведу.

Капитан усмехнулся. И согласился, что-то сказал своим помощникам, и те, сцепив руки Очилова наручниками, с трудом запихнули его в заднюю, с решеточкой в окошке, дверь кабины. Капитан еще раз улыбнулся той улыбкой, о которой на Востоке говорят: «На языке — мед, под языком — лед», — пожал Сергею руку:

— Не волнуйтесь. Разберемся с хулиганом. Разберемся...

«Уазик» скрылся за углом здания. Доктор пошел следом, подождав, когда уляжется поднятая колесами машины пыль.

Из центра города Сергей из телефона-автомата позвонил, как договаривались, Фирюзе. Та сняла трубку, и он услышал ее мелодичный, ласкающий слух, ставший родным голос.

— Алло, алло... Слушаю вас...

— Здравствуй, дорогая, это — я — Сергей... Вот, закончил дежурство в больнице... Давай, увидимся?

— Ты откуда звонишь?

— Из телефона-автомата возле шашлычной. Напротив твоей гостиницы.

— Хорошо. Жди меня возле шашлычной. Через десять минут выйду.

Сергей повесил трубку телефона. Осмотрелся.

Как всегда с утра ярко светило солнце, подчеркивая свежесть зелени в скверике, где под несколькими брезентовыми навесами стояли пластмассовые столики с такими же белыми, почти игрушечными стульями. Несколько человек в тюбетейках не спеша наслаждались здесь свежими шашлыками на шампурах. Шашлыки готовил подвижный, толстоватый мужчина в когда-то белом халате.

Сергей подошел к шашлычнику поближе. Посмотрел, как тот ловко переворачивает нанизанные на шампуры кусочки беловатого, почти без крови мяса вперемежку с нарезанным луком, другой незнакомой восточной зеленью. В воздухе витал невообразимо вкусный, аппетитный запах. Степанов решил попробовать это блюдо, время до прихода Фирюзы еще оставалось.

— Ассалам-аллейкум, — приветствовал почти радостно, поблескивая золотыми передними коронками зубов шашлычник. — Мясо будем кушать, дорогой? Какой на тебя смотрит, командир? Выбирай на вкус!

— Давайте вот тот, — показал Сергей. — Выпить у вас что-нибудь найдется?

— Водка, вино, пожалуйста...

Сергей к шашлыку взял стакан вермута. Отошел к одному из игрушечных столиков, расположился так, чтобы видеть выход из гостиницы. Пригубил до половины стакан с вином, с удовольствием откусил мягкое, хорошо прожаренное, ароматное мясо.

От случившегося нападения на душе остался неприятный осадок. Как-то остро ощутил себя чужим здесь, среди непонятных, непредсказуемых мусульман, людей совершенно другой культуры, с другими эмоциями и нравами, кажущимися ему дикими и непонятными. Вспомнил о доме, где не встретишь такой агрессивности и злобности. Вспомнил о Наташе... Знала бы она, чем он здесь занимается... А если бы узнала, то как отреагировала бы? Разозлилась? Обиделась? А может, обрадовалась появившемуся наконец-то поводу оборвать их отношения, расставить все точки над «и»?..

Сергей допивал вермут, когда из подъезда гостиницы вышла Фирюза. Заметив его, она махнула рукой и стала переходить улицу.

Степанов пошел ей навстречу. Появление Фирюзы — видимо, хорошо выспавшейся, посвежевшей, еще более красивой и привлекательной, освободило его сердце от тяжелых мыслей. Она приветливо улыбнулась ему своими приоткрытыми полноватыми губами без следов помады, темными ласкающими глазами:

— Привет, милый! Рада тебя видеть!

— Здравствуй, Фирюза..., — Сергей потянулся, чтобы поцеловать ее, но она аккуратно и мягко отстранилась, шепнув:

— Сереженька, здесь не надо. У нас это не принято. Потом... Не здесь... Меня не поймут. Да и тебя тоже.

— Ну, что ж, нельзя — так нельзя. Сергей подал ей свою руку, и они пошли по улице вниз по направлению к реке, к мосту.

— Так, какие у нас планы? Куда мы пойдем? — спросила Фирюза.

— Не знаю даже. Давай сходим на рынок. Я там еще ни разу с утра не был. Купим дыню, фрукты. Согласна?

— Хорошо. Пошли. Дежурство, наверное, было не из легких — что-то у тебя вид такой замученный?

— Да, не из легких. Может, могло стать последним для меня. Но, бог миловал...

— Что-то случилось? — почувствовав неладное, напряглась ее рука, которой она держалась за него.

И Сергей рассказал ей о нападении, обо всем, что произошло на дежурстве, придав этому по возможности анекдотичный оттенок. Но он увидел, как по ходу его рассказа две продольные морщинки пробежали в уголках ее рта, как потемнели ее глаза.

— Ты об этом рассказываешь, как о хохме какой-то... А он мог тебя просто убить. Тем более наркоман, он же не соображал, что творил... Ну, и наши стражи порядка, как они могли себя так вести? А впрочем, чему тут удивляться, если все покупается и продается? А тебе, что, никто не сказал, что у нас умерших вскрывают очень редко? Что наши патанатомы и судебные медики, особенно в районах, выписывают обычно липовые заключения, не проводя аутопсий*?

— Да, конечно, нет. Откуда я мог знать об этих обычаях. Просто действовал по инструкции, по закону, как обычно поступают в России, как положено...

— Здесь другие законы, другие... Вернее, на бумаге они такие же, но выполняются по-другому, — она даже остановилась, провела, погладила его по волосам. — Но ты тоже хорош, зачем рисковал? Неужели нельзя было как-то уйти от этой стычки? Наверное, любишь подраться?

— По другому никак не получалось. Он привязался и не отставал — и все тут. А подраться по молодости я действительно любил. Когда в старших классах мы ходили драться с пацанами с другой улицы, меня ребята обычно выставляли ударником.

— Как это — ударником? И из-за чего вы дрались?

— Сражались, конечно, из-за девчонок... А ударник — это тот, кто начинает драку, подходит первым и бьет. Тут важно точно попасть. Я обычно бил в переносицу —

* Прим. (авт.): аутопсия — посмертное исследование трупа со вскрытием.

если попал, то вырубал, противник падает, это прибавляло смелости всей нашей компании. А в драке побеждает тот, кто злее дерется, а не тот, кто сильнее...

— Ну, ты — задира, однако. Знала бы, что такой хулиган — никогда не подружилась бы с тобой,— лукаво сказала Фирюза.— Тем более как ты рассказывал мне на предыдущей встрече — мужчина ты женатый, серьезный... Перед женой, наверное, совестно за свое поведение? А?

Последний вопрос был поставлен, как говорится, в лоб. И Сергей ответил честно:

— Конечно, есть такой момент. Я вообще-то жене почти не изменял... Но когда я с тобой — забываю обо всем на свете... Аура от тебя какая-то особенная исходит, что ли...

Они незаметно за разговором спустились по улице вниз, под гору. И оказались у входа на городской рынок.

Там собралась уже приличная разношерстная толпа входивших и выходивших через каменные ворота на базар. Недалеко от ворот, возле полуметрового по ширине арыка с мутной, бурлящей, грязной водой Степанов увидел маленького, лет четырех на вид, черноволосого мальчика в разорванной, давно нестираной рубашке навыпуск, босого, который присев на край водоема, жадно откусывал и, почти не разжевывая, проглатывал большими кусками вареную колбасу, зажатую в черной от грязи ручонке.

— Посмотри, Фирюза, на этого бедного малыша... Завтра, наверное, встречу его в больнице с кровавым поносом...

— Вряд ли, Сережа. Когда человек с детства ничего кроме грязи не видит, если выживает, то обычно потом не болеет — его организм привыкает к постоянному контакту с инфекцией. И потом оказывается в состоянии побороть ее без нашей врачебной помощи.

* * *

Обнесенный глинобитным забором со всех сторон рынок в этот воскресный утренний час гудел от многочисленной толпы покупателей, зевак и продавцов, занявших длинные деревянные ряды под навесами. Чего здесь только не было!

Великолепные, влажные от росы, без единого изъяна, крупные гроздья винограда соседствовали с розовобокими, сочными яблоками и просвечивающимися насквозь грушами. Всевозможная зелень: от чеснока, лука, петрушки до разноцветного перца — громоздилась на лотках рядом с черными пластинками мумие, добытого где-то высоко в горах, на труднодоступных горных козьих тропах. На мясных рядах были развешаны только что освежеванные туши баранов, телят, дичи.

Они остановились возле высокого, крепкого, со здоровым румянцем на щеках киргиза, торгующего свежим кумысом из бараньих бурдюков. Люди тоже выстроились к нему в очередь. За умеренную плату он наполнял их бидончики и стеклянные банки слегка пенящимся, сероватым напитком.

— Ты не хочешь выпить кумыса? — спросила у Сергея Фирюза. Он посмотрел на грязные, вываленные, похуже, в навозе бока лежавших на земле бурдюков, и отказался:

— Нет, как-нибудь другой раз, не сегодня.

Фирюза весело рассмеялась, разгадав причину его отказа:

— Поняла вас, Сергей Владимирович. Правильно мыслите. Этот наш азиатский напиток переносят только азиатские желудки. Думаю, вам не надо рисковать...,— и уже более серьезно.— А думаешь, почему такая очередь за кумысом? Видишь, многие тут же опустошают свои емкости?

Сергей, действительно, удивился, когда на его глазах какой-то русский мужик с

испытим, в сосудистых звездочках лицом с удовольствием, в один присест опорожнил двухлитровую банку с кумысом. Фирюза подтвердила его догадку:

— Да, кумыс кроме лечебных качеств является легким алкогольным напитком. Поэтому по утрам некоторые мужчины предпочитают его пиву.

Дыню они выбрали у приветливого продавца, который распорядился громадной кучей этих желтобоких красавиц разного размера, сваленных на землю, видимо, прямо из кузова машины. Точнее, выбирала Фирюза, тщательно простукав желтую, средних размеров дыню. Получив деньги, продавец долго кланялся им, твердя:

— Спасибо, спасибо за покупку...

Кроме дыни, которую поместили в прочную матерчатую сумку, оказавшуюся у Фирюзы, выбрали еще несколько отборных гроздей винограда, сочные персики, зелень, и, прихватив в магазине по пути к гостинице еще бутылочку коньяка «Киргизстан», по предложению Фирюзы поднялись к ней в номер.

* * *

В холодильнике у Фирюзы нашлась увесистая вырезка копченого, золотистого мяса. Как пояснила хозяйка, мясо привезли из родного кишлака ее отца. Фирюза занялась приготовлением пищи, а Сергей решил позвонить к себе в общежитие, так как вспомнил, что они с Иваном и Войтовичем собирались сегодня поехать покататься в зоне отдыха.

Он набрал номер телефона вахтера общежития, попросил пригласить кого-нибудь из их комнаты. Прошло несколько минут, прежде чем Иван Иванович взял трубку.

— Иван, привет, это я — Сергей. Хочу извиниться за запоздалый звонок. Как вы там — еще не уехали на речку купаться?

— Привет. Да нет, ждали тебя. Ты откуда звонишь?

— Да, зашел здесь в гости...

— Понятно, куда зашел. Привет Фирюзе Байрамовне, — догадался о месте нахождения Степанова Машков. — Тут тебя какой-то взъерошенный мужик с утра, кстати, разыскивал. Я сказал, что должен подойти с дежурства. Что за мужик, похож на наркомана, глаза сумасшедшие?..

— Мужик, говоришь? А выглядел он как?

— Да, молодой такой киргиз, весь на взводе... Что-то случилось?

— Потом расскажу... Ничего особенного, так, трудовые будни... В общем, не рассказывай этому мужику, где я нахожусь, если еще придет. Я с вами не поеду, езжайте без меня. Вечером постараюсь быть. Пока.

Сергей положил трубку телефона. Фирюза, невольно слышавшая их разговор, встревоженно спросила:

— Тебя кто-то искал?

— Да, похоже Очилов шарился по общежитию... Но, ничего страшного, ерунда, обойдется, проспится...

Фирюза подошла к креслу, где он сидел, обняла его рукой. Пальцами ласково поворошила негустую шевелюру на его голове:

— Сережа, ты сегодня останешься у меня. В общежитие не пойдешь. Не отпущу. Надо выждать, да и отдохнешь — вон какой весь усталый. Так будет лучше...

Сергей поцеловал ее приоткрытое теплое плечо, ощутив на губах приятный терпкий запах. Почувствовал себя абсолютно усталым, как выжатый лимон. Его слегка клонило в сон. Никуда не хотелось идти от этой единственной, ставшей такой близкой, женщины.

— Спасибо тебе, дорогая. Если честно, то с удовольствием останусь... Правда,

наверное, как мужчина я сегодня ни на что не способен... А как посмотрит на мое присутствие здесь гостиничная администрация?

— Об этом не беспокойся. Этот номер — броня Минздрава, с ним все обговорено. Претензий не будет, вахтер не придет проверять мое целомудрие. Так что, давай — прими горячую ванну, потом вместе перекусим, я сейчас схожу в буфет, принесу чего-нибудь горячего... Ты борщ любишь? Здесь его, кажется, неплохо готовят...

— От борща не откажусь. Давно не ел, с удовольствием попробую борщ по-узбекски или по-киргизски. Так, как правильно: по-киргизски или по-узбекски?

— Какая разница, лишь бы вкусно было. Ну, я пошла,— и поцеловав его в висок, она направилась к входной двери.

Когда освежившийся и взбодрившийся Степанов вышел из ванной комнаты, то увидел красиво сервированный стол. И его ожидала не менее привлекательная Фирюза.

Разлили по стаканчикам киргизский, соломенного цвета коньяк.

— Давай, выпьем на брудершафт, за здоровье хозяйки этого дома,— пошутил Сергей.

— С удовольствием, Сережа,— согласилась с улыбкой Фирюза и с бокалом в руках скользнула к нему на колени, сев полубоком. Он обнял ее свободной рукой за гибкую талию, ощутил притягательное тепло ее упругих ног.

Выпили коньяк: Сергей — до дна, Фирюза —немного пригубила только и поставила свой стаканчик на стол. После этого их соскучившиеся друг по другу губы слились воедино в нежнейшем, долгом поцелуе...

Фирюза спрыгнула с его колен, села на свое место:

— Не буду тебе докучать. Нужно хорошо покушать, а потом ляжешь — отдохнешь, постель уже готова... Закусывай, Сережа.

Мягкий, напоминающий чем-то липовый цвет привкус киргизского коньяка смешался с привкусом от ее влажноватых губ.

— Да, жаль, что я сейчас в плохой форме после дежурства,— шутливо посмотрел он на Фирюзу, отправляя в рот кусочек прозрачного копченого мяса.

— Это даже хорошо, Сережа. Прошлый раз ты просто был неутомим. Сегодня отдохнем, выспимся. Тем более мне этот небольшой перерыв будет полезен. Нельзя так бурно возвращаться к регулярной сексуальной жизни после двухлетнего перерыва,— и добавила, уже посерьезнев.— У меня после смерти мужа два года не было мужчин.

— А чего так? — позволил пошутить Степанов.— Неужели здесь нет достойных джигитов, которым бы приглянулась такая женщина, как ты? Самый большой грех на земле — не любить красивых женщин.

— Джигиты проявляли ко мне интерес. Но как-то они мне казались то слишком легкомысленными, то — излишне расчетливыми и жадными... Так что — ждала тебя. Хотя ты — женатый человек... Кто я для тебя — командировочное увлечение, экзотическая женщина, уедешь — и забудешь... Но мне так хорошо с тобой, что я напроць потеряла голову. Мне от тебя ничего не надо, кроме тебя самого, кроме того, чтобы ты был со мной, сколько сможешь или захочешь. Так что знай — у тебя нет передо мной никаких обязательств. Давай, выпьем за нашу встречу. Я грешна сегодня — мало того, что связалась снова с русским, неверным, еще и пью с ним вино, а это запрещается Кораном...— закончила она полшутливо.

Выпили еще. У Сергея проснулся дикий аппетит. Он съел с удовольствием борщ, салаты, прочие закуски, приготовленные Фирюзой. От замечательного коньяка, вкусной пищи, непростога дежурства в больнице его явно стало клонить в сон. Степанов ощутил, как наваливаются тяжестью веки уставших глаз. Фирюза, видимо, это тоже уловила.

— Сережа, приляг, отдохни, поспи. Я сейчас приберусь..., — предложила она.

Сергей разделся, лег, нет, упал без чувств на чистую кровать, Засыпая, ощутил тонкий запах свежей ели, исходящий от простыни и подушки...

* * *

В понедельник, как всегда, рабочий день начался с обхода. Правда, перед этим Гуля рассказала Сергею, что, оказывается, в воскресенье утром, когда после нападения милицейский патруль забрал Очилова, полчаса спустя он опять появился в больнице. Бегал, искал «русского доктора». Видимо, милиция недалеко его отвезла, быстро отпустив.

Сергей тщательно осматривал Рафика. Сегодня мальчик показался ему чуть-чуть получше. И хотя он по-прежнему был вялым, со слов его матери, плоховато пил и почти ничего не ел, но появился влажный кашель. С замиранием сердца доктор приложил к груди ребенка предварительно согретую рукой тонкую мембрану фонендоскопа. Безусловно, дыхание над обоими половинами грудной клетки стало лучше прослушиваться! Уменьшились, почти исчезли зоны в легких, где в субботу вообще не определялись дыхательные шумы. Правда, сохранялось множество рассеянных сухих и влажных хрипов, выдох оставался по-прежнему затруднен... Поймав тревожный, вопросительный взгляд матери Степанов постарался ее успокоить:

— Лучше в легких стало, лучше. Будем продолжать вводить гормоны... Поставим капельницу — подкормим мальчика внутривенно... Так что не волнуйтесь — все идет пока нормально...

В это время в палату заглянула Багира из процедурного кабинета:

— Сергей Владимирович, вас там какой-то мужчина спрашивает, хочет поговорить. Выйдите, пожалуйста.

«Мужчина спрашивает... Небось, опять Очилов прибежал, никак успокоиться не может», — с досадой подумал Степанов.

— Ладно. Сейчас выйду, когда закончу обход. Пусть подождет.

Завершив осмотр больных в последней палате, Сергей пошел к выходу, где его кто-то ждал. На крыльце он увидел молодого, лет двадцати шести—двадцати восьми парня с каким-то плохо запоминающимся лицом в темном, несмотря на зной, шерстяном костюме, в рубашке с галстуком в синюю полоску. На лацкане костюма красовался прикрепленный комсомольский значок. Под мышкой молодой человек держал темно-зеленую папку, модную среди комсомольских и партийных аппаратчиков. Сергею вспомнилась шутка, брошенная как-то заведующим реанимацией Латыповым: «В Коше киргиз без портфеля — считай, не человек». Только внимательно присмотревшись к этому благообразному, почему-то избегающему прямого взгляда, молодому человеку, Сергей признал в нем Очилова. Все-таки прием наркотиков сильно меняет не только поведение, но и внешность человека. На этот раз он, кажется, не был вооружен, но доктор на всякий случай внутренне напрягся, готовый к любой неожиданности. Тем более что личного оружия им почему-то не выдали, отправляя в эту командировку.

— Что вам от меня нужно? — спросил он Очилова, пытаясь смотреть ему прямо в глаза. Но тот по-прежнему уходил от взгляда, смотрел куда-то в сторону, как-то суетливо начал доставать из папочки блокнотик и авторучку.

— Как ваша фамилия? — спросил Очилов, приготовившись записывать.

— А зачем вам понадобилась моя фамилия? А впрочем, пожалуйста, записывайте, не ошибитесь. Степанов Сергей Владимирович — врач-педиатр. Все? Правильно записали?

Очилов записал. Спрятал авторучку и записную книжку в папку и как-то весь задержался, занервничал, заговорил срывающимся голосом:

— Я работаю в обкоме ВЛКСМ... Буду жаловаться на ваше грубое поведение в Министерство здравоохранения СССР. Вы ответите за все...

Сергей придвинулся к нему вплотную.

— Пиши, валяй... Тихо скрипнуло перо — значит скоро на бюро... Лучше пиши сразу генеральному секретарю или в ООН...,— Степанов краем глаза увидел, как прилипли, с интересом наблюдая за происходящим, к окнам матери и медсестры.

— А теперь, знаешь что — пошел ты на ...,— последнюю фразу доктор сказал комсомольскому работнику почти на ухо. После этого повернулся к нему спиной, и, хотя у самого легкий холодок воспоминания пробежал между лопаток, не спеша направился в отделение...

Больше он Очилова никогда не видел и ничего о нем не слышал.

...В четверг в состоянии голубоглазого Рафика наконец-то произошла разительная перемена к лучшему. Подходя к двери его палаты, Сергей вдруг услышал, как из-за нее доносится негромкая, но негрустная женская песня на незнакомом языке. Доктор знаком попросил сопровождавшую его, как всегда, Гулю не спешить открывать дверь. Дождавшись, когда женщина перестала петь, они вошли в палату.

Мама кормила Рафика рисовой кашей с котлетой с ложечки. Сергей никогда не думал, что этот измученный болезнью, чуть было не погибший, ребенок может так жадно есть. Его мать еле успевала подавать новые и новые порции пищи. Он даже вцепился от нетерпения в ее ладонь с ложкой и наворачивал пищу без остановки. Мать, увидев вошедших, счастливо и радостно улыбнулась, глаза ее излучали свет, жизнь, надежду... Степанов подумал, что, наверное, доставлять человеку такую радость своим трудом — может быть, и есть самое главное в этой жизни, по сравнению с чем все остальное кажется ничемным и эфемерным.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович! Видите, как мы хорошо кушаем и почти не кашляем сегодня. И кааем нормально, вчера один раз только сходил, не жидко, и ночь спали крепко...,— радостно сообщила женщина. Сергей и Гуля не смогли сдержать улыбок. Приятно было наблюдать эту материнскую радость.

— Что ж, рад за вас. А помните, как вы убежать от нас намеревались? Кстати, все как-то забываю спросить, а как вас зовут?

Рафик наконец удовлетворился съеденным, отпустил руку мамы с ложкой, измазанной пищей, поджал порозовевшие губки и внимательно, словно припоминая, посмотрел на врача своими небесно голубыми глазами. Осмысленно, изучающе, с интересом посмотрел. Впервые за прошедшую неделю.

— Зовите меня просто Тamarой. По-уйгурски мое имя слишком сложно звучит, запутаетесь в произношении,— пошутила мама Рафика.

Сергей невольно залюбовался ею: женщина излучала на первый взгляд непонятную, восточную красоту. Сейчас красивым было и ее, видимо, впервые за последние дни непомятое, спокойное, несколько заостренное лицо. Даже слегка крючковатый нос не портил его. Ее темные, жестковатые волосы, заплетенные в тугую косу, отливали всеми переливами радуги. Под скромным, несколько помятым халатиком контурно вырисовывалась худенькая, по-девичьи стройная гибкая фигурка с проступающими выпуклостями на бедрах, небольшом, горделивом бюсте... Но особенно прекрасны были ее глаза — в них полыхал, колебался, не угасая ни на минуту, загадочный темно-коричневый, янтарный свет. Сегодня он был знаком жизни.

— А вы можете быть красивой, Тамара. Как ваш муж — не ревнивый? — То ли в шутку, то ли всерьез спросил доктор, начав осматривать малыша.

— Мой муж...,— она споткнулась, не стала развивать свою мысль дальше.— Ну,

в общем, типичный узбек. Правда, я его воспитываю. Сейчас лучше стал, меньше свою маму слушает.

Над обоими половинами грудной клетки, в легких у Рафика дыхание определялось во всех отделах. Хрипов почти не было, выдох стал почти свободным. Мальчик самостоятельно сидел, пока врач его простукивал пальцами и обслушивал. Стал тянуться к игрушкам. Поймав маленькую машинку, занялся ею.

— Что ж, дела у Рафика, действительно, идут хорошо. Поздравляю. Сегодня снизим дозу гормонов, завтра-послезавтра вообще их отменим, если так дело пойдет. И потом выпишем вас домой, чтоб опять какую-нибудь кишечную инфекцию не подцепили ненароком. Будьте поэтому эти последние дни перед выпиской предельно осторожны.

— Хорошо, Сергей Владимирович. Спасибо вам, я ваша должница, как говорится, по гроб жизни.

— Да какие могут быть долги — это наша работа, вот и все.

— Работа — работой, а человеческое отношение — это совсем другое. Сколько я вам тут крови испортила своими выходками... В общем, я работаю художницей народного промысла, занимаюсь чеканкой. Выпишусь — подарю вам на память о наших краях одну из своих работ, что-нибудь на сюжет национального эпоса.

— Ничего не надо. Что вы, не беспокойтесь, — заспешил к выходу Степанов.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ДЭКАФ
*Главы из новой повести**

ГОСТИ ЭЛЕКТРОБУДКИ

◆ Николай Андреевич, руководитель конструкторской группы из ракетно-пушечного НПО** «Меткость», с трудом прорвавшийся с приятелем и коллегой по работе Сергеем Зябликовым в пивную «Сокол», намяв себе бока в толпе озверевших от «сухого» закона Горби-демократизатора, осаждавших входную дверь, почти блаженствовал. Не столько от пива и закусовых креветок, сколько от рассказов случайного собеседника, соседа по столику, только год как выслужившего мичманскую пенсию на Северном флоте и перебравшегося с семейством в Тулуповск матерого боцмана.

Николаю Андреевичу все рассказы отставного военкома как по маслу: сам родился и до восемнадцати лет жил в тех же местах. Только экс-боцман базировался в Североморске, а он в Полярном — обе крупнейшие базы Северного флота в полчаса ходьбы на катере друг от друга.

Выяснилось, что начинал свою, еще срочную службу на флоте будущий боцман в Полярном на плавбазе подплава***, не пропускал ни одного воскресного танцевечера в дэкафе, если корабль «Печора», переделанный из бывшего немецкого рейдера****, не находился в море, а стоял у пирса Екатерининской гавани Полярного. Поскольку Николай Андреевич последние два года жизни на Севере, учась в десятом и одиннадцатом классах, одновременно работал электриком в том самом дэкафе, то у собеседников наметилась нескончаемая тема для беседы.

Однако, когда принялись было за последние кружки, а Серега вознамерился идти к пивной буфетчице за следующей партией, лафа закончилась. Швейцар-вышибала оповестил:

— Слушай сюда, мужики! Имейте гражданскую совесть: вы уже почти час здесь пиво сосете, а на улице народ мерзнет, смена вам с Комбайнового прибыла. Даю еще десять минут — и выметайтесь!

Боцман откашлялся со значением, подмигнул компаньонам и к всеобщему восторгу достал из кармана пальто четвертинку водки:

— Вчера талонную брал, два часа в очереди на морозе в сто-двадцать-пятом специализированном проторчал, полдня отгула на работе взял. Хотел после пивной к

* Начало повести см. в № 4, 2012 «Приокских зорь» — рассказ «Первый после боцмана (Морская быль)».

** Научно-производственное объединение.— Прим. авт.

*** То есть хозяйство подводников.— Прим. авт.

**** По классификации флота Третьего Рейха — легкий крейсер.— Прим. авт.

соседу, тож из флотских, зайти, да ради такого случая — земляка встретил — давай примем. Правильно ведь говорят: вино на пиво — это диво!

...И с боцманским глазомером долил три кружки с пивом содержимым четвертинки. А напоследок под ерша рассказал забавную историю кота Федора. Серега хохотал до умильных слез.

По выходу из заведения расстались: боцману и Сереге надлежало следовать по домам на автобусе в сторону Косолучья (курсом зюйд-зюйд-ост, как пояснил боцман на флотском, человеческом языке), а Николаю Андреяновичу на долгом трамвае с пересадкой на троллейбус в противоположную, в центр города.

— В следующий раз встретимся — с нас целиковый бутылек, — пообещал Серега.

◆ Николай, младший электрик полярнинского дэкафа, демонстративно посмотрел на свои наручные часы, купленные еще с первой полочки, сверил время с принятованным к стене электробудки флотским хронометром, имевшим недельный завод и суточный, двадцатичетырехчасовой циферблат. Через четверть часа в большом зале начало мероприятия, а захмелевший от выпитой бутылки «зубровки» капитан второго ранга с подлодки четвертой эскадры без усталости рассказывал флотские байки.

Только он поведал — со слов братальника, служившего командиром двигателей на эсминце «Стремительный, что базировался в соседнем Северноморске — о корабельном коте-крысолове Тихоне, как Николай встрял в паузу:

— Извините, товарищ кавторанг, мне нужно к электроцитуту: свет и подсветку на сцене включать и...

— Все-все, Николай, ухожу в зал. Здесь в бутылке сотка осталась — передай отцу, пусть завтра после работы освежится. Держи краба!

Шутливо отсалютовав, кавторанг мигом изобразил на лице трезвую задумчивость и вышел из электробудки.

Обычные гости перед концертом или иным культурным мероприятием. Николай поначалу, еще не совсем освоившись в дэкафе, не мог понять: почему всех желающих выпить перед концертом или спектаклем тянет в электробудку? Пришел к выводу: его хозяйство хотя и под сценой расположено, но путь к нему из публичной части дэкафа достаточно запутан по безлюдным коридорам. Главное — лишняя соглядатай сюда не забредет, что немаловажно: дэкаф, город Полярный и все владения Северного флота — от Сафонова и Северноморска до Земли Франца-Иосифа, где базируется усиленная дивизия первого удара по натовским базам в Исландии — есть зона действия абсолютного «сухого» закона.

Но эту версию авторитетно отверг ведущий бас Краснознаменного ансамбля песни и пляски, дававшего шефский концерт в дэкафе.

Бас заглянул в электробудку с дежурным вопросом-паролем:

— А-а где Андреян?

Уже по этому было ясно: бас не первый раз на гастролях в Полярном.

— Я за него, — уже привычно ответил Николай крылатой фразой из гайдаевского фильма, — сын. А отец теперь в первую смену работает. Меня звать Николаем, — по военно-морской дисциплине представился.

Бас назвал себя Егором, переступил порог и сел на боковой к столу гостевой стул, чуть помялся и достал из кармана концертного солдатского — но пошитого из тонкого офицерского сукна, сапожки тоже не кирза и не юфть и построены на заказ — кителя четвертинку. Николай уже привычно пододвинул гостю стакан, что стоял рядом с графином на маленьком подносе.

— Может на закуску бутерброд достать? У меня есть домашние: с колбасой и сыром.

— Ни-ни-ни, дорогой! Зачем продукт, то есть водку, портить. А твой стакан где?

— Я не пью,— Николка усмехнулся,— дисциплина и отец не велят. Отец и вовсе после третьей стопки поучает: дескать, древние греки до тридцати лет вкуса вина не знали...

— Да-да, помню, Андреян уважает древних греков... и «старку».

Сорокалетний бас Егор выгреб из другого мундирского кармана три шоколадные конфеты, две пододвинул к Николаю, а третью развернул перед собой. С лабораторной точностью в один прием налил три четверти стакана, со словами «бум здравы» в один же глоток выпил, чуть поморщился, поднес ко рту конфетку, понюхал и брезгливо опять вернул ее на бумажку с серебряной фольгой. Протянул Николаю четвертинку с остатком:

— Заначь для родителя. Понимаешь, нам, басам, без допинга лучше на сцену и не выходить. От водки бас гуще становится, этакая колоратура в нем начинает играть. Ладно, пошел я. Привет Андреяну. Хорошее у тебя хозяйство: чистое, все прибрано. Самое интересное (водка все же подействовала, на разговор потянуло) — наверное, в сотне с лишком городов и баз на гастролях был, ни одного директора театра или клуба не запомнил, зато всех электриков по именам знаю! Всегда наш брат-артист идет освежиться в электроаппаратную, потому как ближе к сцене и люди вы, электрики, душевные. Бывай здоров, Николай!

Бас знал устройство дэкафа, поэтому не свернул в лабиринт коридоров, а открыл нужную, неприметную дверь, за которой крутая лестница вела в закулисье сцены.

Николай вдругорядь усмехнулся: Егор точь-в-точь повторил, сам, наверное, того не зная, слова баса Михайлы «бас от водки гуще делается» из чеховских «Сельских эскулапов».

◆ Сегоднешний же гость из подплава, естественно, справившись об Андреяне, зашел выпить «зубровки» сразу по двум причинам. Во-первых, как от объяснил, любит поэзию, сам в школе и в *ЛВВУПП** пописывал, в литкружке при Доме культуры Ленсовета частым гостем был. А теперь вот служба все время отнимает. Сегодня же в дэкафе такая знаменитость выступает? Думаю, он с Евтушенкой сейчас первые поэты.

Николай согласился с мнением гостя, а тот, уже откупорив бутылку и выпив разгонные сто граммов, закусил пирожком с картошкой и мясом, целый кулек которых, еще горячих — с пылу-жару,— принес из дэкафовского буфета кулек, пододвинул к Николаю, продолжил монолог:

— Конечно, послушать известного поэта — это еще не повод бутылку откупоривать. Радость у меня сегодня, хотя это почти военная тайна... но ты парень, вижу, серьезный, весь в Андреяна, потому в общих чертах расскажу.

Мне кап-два год назад дали, тесно нам с командиром, что в том же звании, на одном борту стало. А сегодня с утра в штаб эскадры вызвали и приказ показали под расписку: назначили командиром новой лодки, что вот-вот со стапелей в Сормово сойдет. Так что велено экипаж формировать, с которым через месяц, пока еще Волга и северные каналы не замерли, отправляться в Горький принимать корабль.

Послезавтра, в воскресенье, конечно и само собой дома небольшой сабантуй устрой для своих сослуживцев. Начштаба будет, даже адмирал обещал на часок заглянуть — если в Североморск не вызовут. Пока же у тебя разминаюсь.

...После ухода счастливого новоиспеченного командира подлодки Николай поставил недопитую бутылку в шкаф. Подумал: где же этот баловень флотской судьбы умудрился достать в суховеинном городе, где легче командиром корабля стать, бутылек? Разгадка тотчас пришла.

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — кузница кадров советских подводников.— Прим. авт.

Не далее как в понедельник заменял перегоревшую лампочку в подсобке Зойки, кладовщицы буфета-столовой, и с высоты лестницы-стремянки узрел в дальнем углу, нарочито загороженном коробками со сгущенкой, мясными консервами и печеньем, пару ящиков с бутылками. Отец не только «старку» уважал, но признавал высокую полезность «зубровки». Так что Николай сразу отметил характерную этикетку на Зойкиных бутылках: набывшийся беловежский зубр на ядрено-зеленом фоне.

Конечно, спиртное *НЗ* у Зойки легально проходило по всем бухгалтерским ведомостям по невинным статьям. По слухам знал он, что у Зойки в запасе имеется также грузинский коньяк «грэми» десятилетней выдержки кубинский ром и ленинградские ликеры «шартрез», «Южный Кюрасао» и «бенедиктин». Надо же начальнику дэкафа чем-то угощать высокое флотское начальство — местное, из Североморска и даже из обеих столиц — на торжественных парад-алле!

Но как удалось новоиспеченному командиру подлодки выудить у Зойки «зубровки»? Знал Николай от всеведущих дэкафовских слесаря, столяра и художника-оформителя, что Зойка, плотная бабенка в расцвете своих тридцати пяти лет, незамужняя и охочая до мужиков, иногда снабжает «горючкой» голодных до баб холостых военных. Но это, как правило, старшекурсники из *ЛБВУПП* на мореходной практике и молодые офицеры до каплеев включительно. Давешний гость электробудки сюда явно не подходил.

Чтобы не ломать голову по пустякам, Николай занялся было горячими пирожками, которые с великим искусством пекли на кухне буфета-столовой, но здесь за всегда открытой дверью кто-то вежливо-осторожно кашлянул.

◆ Николай досадливо поморщился: скоро начало выступления поэтической знаменитости, а пирожки могут и остыть. Все одно съедобные и вкусные, но уже не то... Однако взял себя в руки и с принятой в дэкафе дружелюбностью сказал в сторону двери:

— Входите, пожалуйста!

Сказал и обомлел, все же успел уложить надкусанный пирожок в кулек: на пороге нерешительно потаптывался сегодняшний гость дэкафа, стихи которого часто читала на уроках их учительница литературы и руководительница школьного театра Людмила Евгеньевна. Николай тотчас узнал его по фотографиям, телевизионным выступлениям, а особенно по неизменному шарфику-косынке под расстегнутым воротом рубашки.

Но совсем потерялся Николай от вопроса несколько заикающимся голосом:

— А-а гд-де Анре-реян?

Николай куда меньше удивился бы, если этот вопрос-пароль задал появившийся в проеме двери электробудки командующий Северным флотом...

Справившись с волнением, Николай объяснил нынешнее статус-кво, свое и отца, пригласив гостя войти, мучительно сожалея, что под рукой нет ни одной из двух книг поэта, что имелись в домашней библиотеке.— Для автографа.

И гость, уяснив обстановку и степень родства хозяина электробудки с Андреем, перешел к деловой части визита: сел на боковой стул, вынул из пиджачного кармана ранее выданную Николаем только в заграничных фильмах плоскую коньячную бутылочку с импортной наклейкой, задумчиво посмотрел на стакан, тотчас услужливо придвинутый к нему Николаем, наполнил его на две трети, выпил. Не отказался от пирожка; почти перестав заикаться, пояснил:

— ...Я только с выступления из Североморска, пообедать не успел, ужин обещаю у вас в Полярном. Хорошо что с малолетства не употребляешь, а мне это как лекарство перед выступлением, заикаться на время перестаю...

Из зала через растворенные двери электробудки, непонятного назначения про-

ходной комнатки перед ней — без мебели и каких-либо признаков обитания — и оркестровой ямы донесся звонок начала мероприятия.

Гость вручил уже ничему не удивляющемуся Николаю ополовиненную бутылочку для Андреяна, попрощался и заторопился к двери на сценическую лестницу.

Так и не съев толком ни одного пирожка, Николай тоже заторопился в оркестровую яму слушать выступление поэта, но тут из коридора перед предбанником слышались шаги и возбужденный разговор нескольких человек. Николай внутренне похолодел, но тут же и оттаял: в электробудку вошли трое его одноклассников, в один голос оповестивших:

— Никол! А знаешь кого мы сейчас встретили у двери с лестницей на сцену?

— Знаю. Пошли в оркестровку слушать.

Воспитание не позволило ему говорить то, что узнал доверительно.

...Много гостей побывало в электробудке за два года работы в дэкафе: кто с вопросом-паролем, иные просто заплутав в низкосводчатых коридорах непубличной части здания, или одноклассники. Более всего Николай любил визиты последних. Тогда жилая часть электробудки превращалась в клуб. Порой и мебели не хватало: два стула и диван не вмещали всех. Но в запасе имелся высокий порожек в электрошитовую часть помещения.

Здесь обходилось без бутылок: у одноклассников, тем более одноклассниц, тоже было воспитание, а их отцы также уважали древнегреческие порядки.

ХРУЩЕВСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ДЭКАФ В ЖИЗНИ НИКОЛАЯ

◆ Людмила Евгеньевна благоволила Николаю, хотя тот не участвовал в ее любимом детище — школьном драмтеатре. Не любил сценического лицедейства. Но учительнице литературы в старших классах нравились его сочинения, которые она часто ставила в пример и зачитывала в классе вслух. Обычно резюмировала: «Очень жаль, что Николай пойдет в жизни по математической или радиотехнической части. У него явно прослеживаются хорошие литературные задатки».

Класс оживлялся, ибо дальше их литераторша слово-в-слово произносила странную реплику в адрес добрейшего Алексея Васильевича, руководителя производственного обучения по радиотелеграфному профилю. Вот, дескать, он всех вас сбил с толку, заразив своим радиоделом. Сколько же в вас, что станут радиотехниками, погибнет артистов, писателей, учителей, врачей? Во всем Людмила Евгеньевна винила Хрущева, благо того уже перевели в разряд персональных пенсионеров, который ввел одиннадцатилетку и трехгодичное производственное обучение. А с «камчатки» класса подначивали: «Сколько же тунейдцев и спекулянтов-фарцовщиков родина не досчитается, если все после школы пойдут поступать на радиотехнические факультеты!»

В хорошем настроении Людмила Евгеньевна, похвалив Николая за удачную трактовку образа Катерины в пьесе Островского, подшучивала: «Ты, Николай, не иначе как метишь в книгу рекордов Гиннеса: в школе учишься, заведешь здесь же радиоузлом да еще единственный из школы, не считая вечерников, имеешь трудовую книжку!» Опять же с «камчатки» поделдыкивали: «Этого мало для Гиннеса. Надо еще пару-тройку привόδов в милицию иметь!»

В общем-то учителя доброжелательно отнеслись к внешкольной работе Николая. Директорша Мария Ивановна более заботилась, чтобы Николай не переутомлялся, хотя и признавала: педагогическая наука даже рекомендует чередование умственной и физической деятельности.

Алексей Васильевич, как действующий мичман флотского узла связи, одобрял:

во-первых, привыкает в дэкафе к военно-морской дисциплине; во-вторых, электрик и радист суть братья-близнецы; наконец, пуп у такого молодца не надорвется. Опять же деньги в любой семье не лишни.

Матерый физрук Рэм Давыдович, скороспешно так названный родителями в конце двадцатых годов, когда дружили с Германией, в честь вождя штурмовиков *СА* Рэма, тоже в целом одобрял Николаеву работу. Но, как человек многоопытный в житейских ситуациях, остерегал многостаночника: «Самый опасный для тебя, Николай, народ в дэкафе — это низовая обслуга: слесаря там всякие, кочегары, оформители-халтурщики, вечно нетрезвые столяра... Не водись с ними — сопьешься даже в наших безалкогольных местах!

И еще с бабами тамошними будь осторожен. Как со взрослыми, так особенно с молодухами. Первые обязательно в какие-нибудь свои дрязги втянут и тебя же на посмешище выставят, а в любовь-морковь играть, так своих одноклассниц предостаточно».

Николай слушал, мотал на ус. Когда того требовали обстоятельства разговора — делал серьезность на лице, а нужно — и усмехался. За науку благодарил.

◆ Никиту Сергеевича на флоте не любили, особенно на Северном. Именно его Хрущев подставил первым — во время недавнего Карибского кризиса. Генсек довел дело до американской блокады Острова свободы, не поинтересовавшись: а на ходу ли первые атомные подлодки в составе Северного флота? Оказалось — все они на доработке после ходовых испытаний и походов. Пришлось послать в акваторию Кубы бригаду из четырех дизельных лодок из Полярного. На смех американцам и унижение североморцам.

А дальше пошло и поехало. Печально знаменитое стотысячное сокращение офицерского корпуса заметно ударило и по флотам СССР, Северному флоту тож. Сколько кап-2 и кап-3 были лишены погон с неполной пенсией? А некоторые уволенные каперанги так и не стали адмиралами...

С военных лет Северный флот мечтал о своем линкоре, а лучше двух. Но Никита, полагавший большие корабли дорогим баловством, не только поставил крест на линкоростроении, начатом военно-политическим стратегом Сталиным, но ударил и по крейсерам в строю. Даже гордость североморцев — тяжелый крейсер «Октябрьская революция» был отправлен на консервацию в Лиепаю.

Уже не стоит и говорить: как проклинали «кукурузника» флотские и штатские за «сухой» закон по всему северу Кольского полуострова! Николай по старовойсковской от отца традиции никогда сам не матерился, но сторонний десятиэтажный по этому поводу одобрял.

У Николая же отношение к бывшему генсеку было неоднозначное. Он понимал обиды военного, офицерского люда. Поскольку тяги к алкоголю не испытывал, да и не принято это в школьной среде, то над следствиями и последствиями «сухого» закона голову не ломал. Как и над увлеченностью генсека выращиванием маиса-кукурузы.

А когда Хрущева снимали со всех его постов, то Николаю даже несколько жалко было опального генсека. Заодно впервые в жизни понял: каждый начальник по должности — калиф на отведенный ему час.— В отличие от людей с заслуженным авторитетом.

Получилось так, что снятие Хрущева случилось в начале трудовой деятельности Николая в дэкафе. Стояла осень, снег еще боролся с холодным дождем из свинцовых туч, нависших над городом и его окрестностями. Ничто в такой хмурый день и не радовало. Разве только то, что сегодня воскресенье — единственный в неделе день, когда они с отцом менялись сменами, поскольку каждый выходной день Николаю с полудня и до полуночи имел занятость в школе: в основном, его дежурство

по расписанию в школьном же радиоклубе, прерываемое на пару вечерних часов обслуживанием танцев в актовом зале. Николка «давал» музыку, как начальник школьной радиорубки.

...А первая смена в дэкафе — только сгоревшие лампочки поменять и никаких тебе концертов, посетителей в электробудке и прочих (порой) неудобств. Собирался же Николай устроить себе праздник души в первую половину воскресного дня: лежа на служебном диване, почитать свежевзятую в библиотеке книгу: только что изданный сборник рассказов Леонида Андреева.

На редкостную книгу в райбиблиотеке уже шла запись на очередь, но Николаю, как постоянному читателю, выдали на три дня по благу...

◆ Нехорошее предчувствие охватило Николая уже перед мостом через овраг, что упирался прямо во входную дверь дэкафа: по мосту, справа от моста по дорожке от подплава, слева от различных наземных служб и с военного судоремонтного завода № 6 *ВМФ* сквозь косо бьющий с неба снег чернели многочисленные офицерские шинели. Огромные, двустворчатые дубовые двери дэкафа и вовсе не закрывались, пропуская военмор.

Николай втиснулся в колонну входящих и, миновав дверь, поинтересовался у дежурной на входе Нины Степановны о причинах воскресного многолюдства.

— А это, Никол-Батькович, какое-то спешное совещание офицеров всех эскадр и служб. Два адмирала уже вошли. Никак по поводу снятия Хрущева.

...Почти семьдесят лет жизни научили Нину Степановну пронизательности. Редко она ошибалась. Николай сник. Но с другой стороны — это не менее интересно, чем чтение Андреева. Где еще узнаешь подробности о важнейшем событии в жизни страны? — Радио и газеты пока ограничили сухим официальным сообщением.

Собрание офицерского состава носило служебный характер, поэтому недовольный порушенным воскресеньем и неоткупоренностью воскресной же бутылки самогонки завхоз дэкафа Михаил Дорофеич, мысленно матерясь, обошел немногих в выходной день сотрудников дэкафа, давая обычную в таких случаях диспозицию: «В зал не входить, около дверей его не стоять, а посторонние и так не войдут: ворота заперты!»

Кочегарку, обслуживаемую приписанными к дэкафу солдатами-стройбатовцами и имевшую выход на улицу, он самолично закрыл внутреннюю дверь на висячий замок.

Добравшись по изломанным под прямыми углами коридорам до электробудки, проинструктировал и Николая: «Тебе, Андреяныч, по инструкции положено сидеть в оркестровой яме. В школе лишнего не болтай!»

Николай шутковато отдал честь «к пустой голове», не преминув заметить: всем его одноклассникам отцы-офицеры сегодня же за домашним ужином все расскажут. С комментариями.

После звонка Николай включил на распределительном щите освещение сцены — верхние софиты* — и отправился с оркестровку. Через внешний барьер ямы посмотрел в зал, сплошь черневший мундирами, прочерченными блестками погон и шевронов.

Основной доклад, встав за выдвинутую на середину сцены трибуну, делал прибывший из Североморска черномундирный полковник — заместитель начальника политуправления флота.

Как ни малоопытен был еще Николай в военной бюрократии, равно и гражданской, но уже знал: если на официальных толковищах речь идет о поощрениях, наградах и прочих приятных вещах, то главную речь «толкает» начальник, а если те-

* Софиты — светильники из нескольких, горизонтально расположенных ламп, дающих конус горизонтального же света. — Прим. авт.

ма мероприятия кляузная и вообще малопривлекательная, то за трибуну водружают заместителя...

Флотский замполит был знаком Николаю по июльскому офицерскому собранию в дэкафе в честь Дня военно-морского флота. В тот раз начальник политуправления тоже не прибыл. Вроде как причина собрания торжественно-наградная, но накануне случился казус во второй эскадре; даже два: при погрузке торпед в лодку, готовящуюся к выходу на боевое дежурство, одну из них уронили в воду и утопили у пирса. В другой же лодке — хорошо у пирса — случился пожар; слава морскому богу Николаю, дело обошлось легкими ожогами у двух матросов и мичмана. Но подлодку на пару месяцев отправили ремонтировать на шестой завод в Палагубу.

Так что праздник получился смазанным, поэтому флотский замполит основное время доклада алилуйничал Никите Сергеевичу — первому ленинцу после самого Ленина, мудрейшему вождю СССР и всего мирового коммунистического движения.

◆ Особо замполит в тот раз остановился на роли верного ленинца Никиты Сергеевича в укреплении обороноспособности страны и особенно ее военно-морского флота. Николай при этих словах из своей оркестровой ямы явственно услышал, как в зале не один десяток офицеров демонстративно закашлялся.

Июльское собрание было торжественным, поэтому началось ближе к вечеру и завершилось праздничным концертом с неизменными «Яблочком» и «Танцем с саблями».

Николай в этот день задержался в школе по делам своего радиоузла, потому, не заходя домой, отправился прямо в дэкаф. Без домашних бутербродов. К концу официальной части желудок начал нервически пульсировать от голода. Едва дождавшись последних восторженных слов замполита в адрес человека-легенды Никиты Сергеевича Хрущева, Николай ринулся в буфет за горячими пирожками с картошкой и мясом.

Но его опередили шедшие более коротким путем из зала офицеры. У стойки буфета-столовой уже выстроилась внушительная очередь. Но Николая в синем халате служащего дэкафа, как человека неспящего, стоявший во главе очереди капитан первого ранга, отец одноклассницы, подманил к себе и кивнул в сторону буфетчицы: отоваривайся, мол, парень, ты на работе.

Расплатившись за кулек с огнедышащими пирожками, Николай двинулся было на выход, но его притормозил другой отец одноклассника, кавторанг. Он Николая знал, а интересовала его подоплека недавней школьной драки, где зачинщиком вылезался стать его сын.

Поскольку это не относилось к категории доноса, Николай кратко и толково объяснил: причина драки без причинения особого вреда — случайная, что называется по погоде... Кавторанг, выполнив воспитательный долг родителя, рассказал собеседнику свежий анекдот о членах партии и правительства.

Слушая кавторанга, Николай непроизвольно отметил некоторую странность в поведении столпившихся в буфете офицеров: каждый из них отходил от стойки с подносом, на котором стояло от пяти до десяти кофейных чашек. Собеседник, еще ранее занявший очередь, засек взгляд Николая, хохотнул и пояснил, что по случаю профраздника буфетчице велено отпускать офицерам кофе с коньяком. «Вот наши краснофлотцы и берут из расчета общей емкости коньяка: от ста до двухсот граммов! Голь на выдумки хитра, Николай».

...Но сегодня замполит, ничтоже сумняшеся, с дежурным гневом и марксистско-ленинской непримиримостью клеймил опального генсека: разрушителя флота, волюнтариста и пробабелю. Зал молчал. Как понял Николай, все пытались разгадать значение только что вошедшего в речевую практику слова «пробабелю».

Николай уже знал значение почти непристойного термина. Его вчера объяснила их классу всезнающая Людмила Евгеньевна: бабы здесь ни при чем, а имеется в виду немецкий философ и революционный теоретик Август Бебель*, автор знаменитой книги «Женщина и социализм».

— А вы говорили, что бабы здесь ни при чем? — Это с «камчатки» послышалось.

— Не бабы, а женщины. Термин «пробабелист» никакого отношения к ним не имеет. Имеются в виду некоторые взгляды Августа Бебеля на теорию социализма, которые показали себя на практике несостоятельными.

◆ Как ни странно, но Николай вполне спокойно и доброжелательно оценивал хрущевский эксперимент со школьной одиннадцатилеткой и ее стержнем — трехгодичным производственным обучением**. Последнее ему просто нравилось. Главное, здесь имела свобода выбора профессии. В полярниковской школе девятиклассникам в самом начале учебного года, чуть ли не первого сентября объявили о наличии двух производственных баз: собственно школы со специальностью радиотелеграфиста-морзиста и шестого судоремонтного завода ВМФ.

Это официально. А по существу через родительский комитет, игравший в образцовой полярниковской школе с «традициями», идущими от тридцатых годов, когда создавался Северный флот, большую роль, была дана установка: кто думает после школы поступать в институт или в военное училище — пусть идут в телеграфисты. Все остальные — шагом арш на завод. Там дадут хорошую, изрядно оплачиваемую рабочую специальность, гарантированное после окончания школы трудоустройство и постановку на квартирную очередь.

Николай безо всяких раздумий выбрал телеграфную стезю, ибо с шестого класса был ярким радиолителем и собирался после школы идти на радиотехнический факультет.

Не особенно испугало его и прекращение эксперимента — отмена одиннадцатилетки и производственного обучения с возвращением к традиционной деятельности. Оповещена об этом страна была сразу после отставки Хрущева.

Здесь Николай осознал еще одну традицию власти — от колхозной и фабрично-заводской до высшей, что греется рубиновым светом кремлевских звезд: кто ограничивается заменой хрущевской секретарши на приятно пышнотелую, а иной, с большой властью, занимается в первые годы начальствования крупным реформированием. Так и теперь: кукурузу заменили рапсом, а одиннадцатилетку — десятилеткой.

Правда, на последний переход отвели три года. Получилось так, что Николаем и его сверстниками во всем Союзе одиннадцатилетка завершилась, а год их выпуска из школы совпадал с окончанием ее же десятиклассниками***.

Николай особо не заволновался, поскольку учился почти на «отлично», хотя патентованным отличником, кандидатом в медалисты становиться не собирался: отвлекала многогранная деятельность и нелюбовь к зубрежке. Но обеспокоился отец. И когда в самом завершении девятого класса Николай получил паспорт, то Андреян Матвеевич, приняв «на грудь» девятого мая бутылку любимой «старки», привезенной из Мурманска, повел такой разговор:

— ...Вот, Николка, когда будешь оканчивать школу, конкурсы в институты будут

* Почему «пробабелизм» вместо грамматически правильного «пробебелизм»? Этого никто в те годы объяснить не мог, а чуть позже про это слово и вовсе забыли. Скорее всего в передовице «Правды» верстальщик сделал ошибку, выпускающий редактор не заметил. Так пошло и поехало...— Прим. авт.

** Кстати, схожий эксперимент был проведен и в высшей школе; в частности, в технических институтах студенты целый год работали на заводах и фабриках.— Прим. авт.

*** При всех своих изгибах советская власть заботилась о людях. Так и здесь: в год двойного школьного выпуска увеличили прием в ВУЗ'ы и даже разрешили принимать выпускников школ в военные академии — наряду с майорами и подполковниками.— Прим. авт.

удвоенными по сравнению с обычными. Учишься ты хорошо, главное — отменно соображаешь, что главнее оценок в табелях и аттестатах. Но береженого бог бережет. Вне конкурса в институты берут имеющих двухлетний стаж работы...

Чувствовалось, что дэкафовские женщины, озабоченные судьбой своих детей и внуков, оканчивающих школу, обстоятельно рассказали отцу про все правила, были и небылицы поступления в институты.

— ...Я это к чему говорю: ты теперь паспортный, на работу поступать имеешь все права, а у меня помощник, электрик Ваня Тутьшкин подал заявление об увольнении, собрался перебраться на Большую землю — в Псков вроде как. Так что через месяц его отстоя место будет свободным. Давай-ка устраивайся в дэкаф. Я уже с подполковником Зинченкой разговаривал — одобряет.

— А школа как?

— А никак, учишь как учился. У вас, старшеклассников, теперь только первая смена, до двух часов. В дэкафе же вторая смена у электриков с четырех. Так что после школы дома пообедаешь, передохнешь минут сто. В свой радиоклуб школьный работать на радиостанции по воскресеньям будешь ходить — опять же до четырех дня и в скользящий выходной* хоть целые сутки стучи там телеграфным ключом.

К тому же не перетрудишься; основную работу я делаю в первую смену, тебе же только пройтись по этажам и перегоревшие лампочки заменить, а вечером, если концерт или спектакль случится, нужный свет включить. Электротехнику ты уже лучше меня знаешь, так что с нужными поделками, коль потребуются, сам справишься.

К окладу плюсуешь сорок процентов поясных и премиальные, а со следующего года первые десять процентов полярных.** И как раз к получению аттестата будешь иметь ровно два года трудового стажа! Хоть в МГУ поступай или в физтех.

Здесь отец говорил опять-таки с чужих слов, явно озабоченных женских.

— ...Единственно, что этим летом без каникул останешься, но в отпуск следующего года поедете во Дворцы с матерью и ребятами без меня — дэкаф без электрика не оставишь. Как тебе — согласен?

Николай кивнул головой, а отец, крикнув от удовольствия, выпил стопку «старки».

...Так малолюбимый народом Никита Сергеевич вмешался в судьбу Николая, связав ее на пару лет с полярным дэкафом. Впрочем, народ любит отдых, награды, водку и девушек, пока они не превратились в ворчащих жен. Властные же лица всегда не в почете. Это Николай хорошо понимал и на Хрущева за его школьный эксперимент никогда зла не держал, памятуя отцовское: все что ни делается — делается к лучшему.

ХОЗЯЙСТВО НИКОЛАЯ И ЕГО ХВОСТАТЫЕ СОСЕДИ

◆ Николай сразу почувствовал: он работает в военном учреждении. В день оформления Екатерина Захаровна, работавшая в дэкафе со дня его основания в тридцатых годах, делопроизводительница и завкадрами, протянула ему для ознакомительной подписи приказ о зачислении, где в числе прочих значилась фраза: «Принял торжественное клятвенное обещание согласно проведенному инструктажу».

— А-а кто будет инструктировать, Екатерина Захаровна?

— Твой непосредственный начальник — завхоз.

* Суббота стала выходным днем в СССР, когда Николай уже учился в институте; вплоть до конца 80-х годов «шабара» не было только в ГДР и на Кубе...— Прим. авт.

** И еще за что ненавидели жители за Полярным кругом Хрущева: до него полярные надбавки шли из расчета 10 % за каждые полгода работы — и так до 100 % к окладу. Никита же, побывав в Мурманске летом, возмутился: да у вас как в Крыму! — И срезал полярные до 60 % с начислением по 10 % за год. Брежнев поднял вновь до 100 %.— Прим. авт.

Николай расписался внизу первой страницы новенькой, пахнущей дерматинном и еще чем-то канцелярским трудовой книжки, где в графе места работы стояло «электробудка», а на следующей — запись о приеме на работу и о принятии клятвенного обещания, и пошел искать завхоза.

Михаила Дорофеевича, слегка подвыпившего, он нашел в подсобке Зойки, официально Зои Григорьевны. Тот вел с ней какие-то запутанные разговоры полунамеками.

— Не дам и все! — громко отрезала Зойка. — Мне из-за тебя, Дорофеич, вовсе не улыбается попасть под ревизию. Пошли лучше свою жену в Мурманск — хоть чемодан водки тебе приволочет. Баба здоровая, не надорвется!

Увидев же замершего на пороге полуотворенной двери Николая, заулыбалась:

— А-а, сынок Андреяна. Милости просим. С чем пожаловали?

— Да я к Михал Дорофеичу насчет инструктажа к клятвенному обещанию...

Завхоз, донельзя огорченный отказом кладовщицы, хмуро посмотрел на непрошеного гостя, которого шапочно знал:

— Какие там еще в канцелярии клятвы и обещания Захаровна напридумала? Инструктаж же такой: на работу не опаздывай, содержи электрохозяйство в порядке, чтобы дэкаф не сгорел* и...

— ...И не пей смолоду, — расхохоталась Зойка, плотоядно оглядывая фигуру высокого молодого парня, — девушек к себе не води!

Завхоз же, почувствовав перемену настроения кладовщицы, отвально махнув рукой новому электрику, опять начал обещать Зойке манну небесную за четвертинку «злодейки с зеленой наклейкой».

В электробудке его дождался отец, собираясь домой:

— Оформился?

— Угу. И инструктаж о клятвенном обещании у завхоза получил.

Отец рассмеялся:

— Все еще у Зойки чекушку просит? Ладно, я тебе сегодня с утра полный инструктаж выдал и все показал. Главное, на случай, если я забуду сказать, по приходу в дэкаф спрашивай на вахте у Степановны о мероприятиях на вечер, а если концерт или спектакль и к тебе в электробудку будет кто проситься на пяток минут воспользоваться стаканом — гони, ссылаясь на занятость делами. Кроме, конечно, капитанов третьего ранга и выше. Все, я пошел.

◆ В части электричества хозяйством Николая был весь дэкаф. Раньше, ходя на дневные и вечерние киносеансы, он знал только наружные летние и внутренние зимние кассы, где покупал билеты, большой зал, где шли фильмы, и смежный с ним танцзал, что находился на пути. И только теперь после многочасового хождения с отцом по зданию осознал его огромность и своеобразную запутанность.

...Прошедшей зимой, знакомясь в городской библиотеке с новыми иллюстрированными и научно-популярными журналами, отметил на стенде свежих поступлений большого формата книгу-альбом по истории архитектуры. Полистал, заинтересовался, сел за стол и читал-рассматривал до закрытия библиотеки. Благо за окнами бушевал ветер с метелью, не хотелось выходить из духмяного тепла читального зала и через весь Новый Полярный и Чертов мост, отворачивая лицо от хлестко бьющего по щекам и носу оледеневшего снега, добираться до дома в начале Старого Полярного по одноэтажной улице имени героического матроса Сивко, хаотично разбросанной по куполообразной гранитной сопке.

* Как в воду глядел завхоз. Николай на Большой земле уже детьми обзавелся, которые выросли и в университете учились, когда тот получил по электронной почте от одноклассника из Полярного: из-за короткого замыкания дэкаф сгорел подчистую. — Прим. авт.

Особенно в книге его заинтересовал раздел, посвященный советскому конструктивизму двадцатых — начала тридцатых годов, тон которому задал француз Ле Корбюзье. Он и раньше слышал о конструктивизме. В младших классах — на уроках рисования. Всезнающая Людмила Евгеньевна просвещала на уроках литературы, вроде бы далекой от архитектуры. ...И отец, тоже много чего знавший. Знакомство Николая с образцами конструктивизма от Корбюзье в Москве началось, как ни странно, с запретного во владениях Северного флота напитка.

На Новый год отец всю ночь провел в дэкафе: самое хлопотное для электриков время — с елочными гирляндами, прожекторами и полным освещением всех помещений. Проспав до обеда, начал отмечать наступивший очередной год, то есть достал давно заначенную бутылку «столичной».

Сожалея, что это не «старка», отец наполнил праздничную стопку. Николай до ночи смотрел по телевизору новогодний концерт, проспал до полудни, сейчас собирался на улицу, наевшись испеченных с утра матерью пирогов с палтусом. Задал отцу давно интересовавший его вопрос:

— Что за дом углом вперед на наклейке «столичной»?

— О-о, Николка, в этом доме на первом этаже самый знаменитый в Москве гастроном. Я там был, когда в первый послевоенный отпуск в Калугу ехал. Денег за войну много набежало, так что затоварил — в Калуге-то карточки — два «сидора». Кряхтел пока добрался до Киевского вокзала.

Ты вот намерен про конструктивизм передачу по телевизору смотреть. Так вот этот дом на бутылке — самый настоящий конструктивизм. Смысл же его такой: снаружи — никаких финтифлюшек, голые стены и окна без балконов, зато внутри все для удобства живущих или работающих там людей.

...Через полгода, как обычно, всей семьей поехали в отпуск в калужскую деревню Дворцы, отцову родину. Поскольку мурманский поезд приходил в столицу утром, а калужский уходил ближе к вечеру, приходилось поболее полудня скучать на Киевском вокзале. На этот же раз, услышав по внутренней трансляции объявление от автобусных экскурсиях по Москве, отец сказал Николаю:

— Нечего здесь торчать без дела. Оставим мать с ребятами, а сами прокатимся.

Экскурсия оказалась замечательной. Из нее Николай узнал о столице больше чем до того знал из книг, фильмов и рассказов знающих людей, в том числе одноклассников из коренных москвичей. Обошли весь Кремль, который Никита Сергеевич открыл для посетителей. И мимо дома с этикетки «столичной» автобус неспешно проехал, причем экскурсовод назвала его образцом конструктивизма. И еще два-три раза обращала внимание на известные конструктивистские здания столицы.

...Но Николаю больше понравились высотки и другие «сталинские» дома, хотя экскурсоводша, говоря о сталинском ампире, заметила: снаружи они красивы, но квартиры в них самые обычные и темноватые.

◆ Дэкаф явно относился к архитектурному конструктивизму, единственным образцом которого он был не только в Полярном, но на Северном флоте и вообще в Мурманской области. Как пояснял отец, ближайшие здания этого стиля стоят в Ленинграде...

Как сообразил Николай, прочитав раздел о конструктивизме в тот зимний вечер в городской библиотеке, дэкаф все же не «чистый конструктивизм» — по Корбюзье, ибо фасад здания уже слегка косил под сталинский ампир: башенка справа, чем-то схожая с верхней частью мавзолея Ленина, пара колонн слева и там же двойная двухпролетная лестница парадного входа. Но остальные три стены не имели никаких архитектурных излишеств, а крыша уступами перепала от трех этажей фасада до одноэтажных частей здания.

Но главное, как понял Николай, прочитав соответствующий раздел в книге-альбоме, в здании дэкафа воплощена главная идея архитекторов-модернистов двадцатых годов: функциональное единство и максимальная автономия (эти слова из просмотренной книги...) всех жизненных удобств здания.

Николай тотчас провел аналогию — это как корабль в открытом море, а еще ближе — стратегическая атомная подлодка, из числа базирующихся неподалеку от Полярного — на 4-й точке*, что залегла на полгода на дне Атлантики поближе к Штатам... Соединенным, конечно, не Мексиканским. Как говорится, экипаж бесшумно ходит в спецтапочках, а межконтинентальные ракеты на стреме. Как она поддерживает связь со штабом Северного флота в Североморске и с Генштабом в Москве — этого Николай не знал. Была такая строгая военная тайна, что даже старшекласники из числа детей адмиралов и каперангов не могли сказать ничего толкового.

Все, конечно, знал матерый радиомичман Алексей Васильевич, но на прямые и косвенные вопросы любознательных школяров отвечал неизменной шуткой: дескать, «Остров сокровищ» и «Детей капитана Гранта» читали? — Бутылку «столичной» распили, записку в донесении в штаб *ВМФ* засунули, сургучом горлышко припечатали и через аварийную шахту выбросили.

— А ее подобрал случайно оказавшийся рядом «корабль науки», — некстати сказал Николай, много размышлявший на эту тему.

Алексей Васильевич пристально посмотрел на него, но комментировать не стал, перейдя к теме урока производственной практики: супергетеродинные приемники и их блок-схемы.

...Так и дэкаф, вместивший под одной крышей кабинеты начальства, огромные танцевальный и киноконцертный залы, плавательный бассейн почти что олимпийского формата, лучшую в городе библиотеку, буфет-столовую со своей кухней, паровое отопление с собственной кочегаркой, бильярдную комнату и многочисленные комнаты и комнатухи: служебные, мастерские, кладовые, репетиционные и для занятий детских кружков, смог бы при необходимости полгода самостоятельно простоять-выжить, если бы некая сила заколотила все двери здания...

Во всяком случае съестных припасов из кладовых Зойки и кухни вполне хватило бы. Даже если отрубить кабель подвода в дэкаф электроэнергии, конец которого находился в электробудке Николая, даже если взорвать городскую подстанцию и обесточить весь Полярный, то и здесь выход нашли бы, перебросив временку из электрокабеля, целая бунта которого занимала угол в подвале-мастерской того же Николая, в соседний флагманский госпиталь, Где предусмотрено автономное электропитание от своего дизеля.

...И это не удивительно. Ведь дэкаф сооружался в тридцатых годах, когда война уже полагалась неизбежной, а Полярный тридцать лет был «столицей» Северного флота. Архитекторы же здания явно взяли за образец крестьянские дома архангельских поморов, в которых под единой крышей также расположено все нужное для жизни: комнаты, печи, мастерские помещения, хлев для живности с сенниками для ее кормежки, кладовые для людей, баня с парилкой и даже всегда чисто прибранное отхожее место. Такой дом Николай увидел, будучи в гостях у своего дядьки на станции Плесецк. Правда, пожив неделю у дядьки-тетки, так и не увидел свою двоюродную сестру Светлану, работавшую инженером на космодроме Мирный, что неподалеку от Плесецка. Но это было позже, когда Николай уже учился в политехническом институте Тулуповска...

* Этому военно-морскому городу-базе явно не везло с названиями. Из «4-й точки» его переименовали в Гаджиево — в честь героя-подводника в Отечественную войну. После начала Чеченских войн, хотя Магомед Гаджиев был дагестанцем, город получил название Скалистого. Сейчас — вновь Гаджиево. — Прим. авт.

Особой гордостью руководства дэкафа являлась люстра в киноконцертном зале и бильярдный стол. Люстра была лишь чуток уменьшенной копией своей старшей сестры из Большого театра, а стол вывезен в счет репараций из Германии вскоре после окончания войны, изъев его при «зачистке» берлинской штаб-квартиры адмирала Денница, который, в свою очередь, позаимствовал этот роскошный инструмент из бывшего дворца кайзера Вильгельма Второго.

Когда Николаю приходилось менять лампочки в малой люстре бильярдной комнаты, он расстилал на середине стола половичок из незамыганного брезента, ставил на него стул, а сам снимал ботинки, уважая предмет ближней и дальней истории.

Застав как-то Николая, стоящего на этом столе и стуле и копающимся в люстре, подполковник Зинченко пошутил: «Ты, Андреяныч, сейчас попираешь ногами сразу два рейха: Второй и Третий! Так им, гадам, исключая, конечно, *нашу ГДР*, и надо».

◆ Кроме Людмилы Евгеньевны, Николая хвалили учительницы немецкого, химии и биологии. Последняя зауважала его за доклад, от которого все в классе бежали как от чумы, явно из институтской программы: о различии взглядов Дарвина и Ламарка на эволюцию жизни на Земле. Готовясь к докладу, в числе прочих книг и статей в популярных журналах Николай присмотрел, а потом и прочитал только что изданную, переведенную и адаптированную для любознательных юношей работу нобелевского лауреата Конрада Лоренца о коллективном разуме стадных живых существ: от муравьев, термитов и пчел до волков и обезьян. ...И сделал вывод: наиболее слаженный коллективный разум действует у крыс.

Как во всяком портовом городе, Полярный изобиловал корабельными крысами, что в два-три раза крупнее и умнее крыс обычных, что Николай видел на Большой земле в деревне Дворцы и на частносекторной окраине Калуги: там и там проживали со своими семьями его тетки — старшие сестры отца.

К корабельным крысам в Полярном настолько привыкли, что особого внимания на них не обращали, да и они по отношению к людям соблюдали безразличный нейтралитет. Жителей города вполне устраивало то, что крысы эти, в отличие от мышей, держались поодаль жилых мест. Крысы же довольствовались малым и с усмешкой смотрели на холерические попытки городской санэпидемстанции устроить им подставу. Травились только ни в чем не повинные кошки. Кстати и кошки с крысами соблюдали нейтралитет, только вооруженный, как СССР и Япония, во Второй мировой войне — до начала осени сорок пятого года.

Точно также к крысам безразлично относились и все полярнинские жители. Как-то Николай в книжном отделе главного магазина города в Циркульном доме, что рядом со штабом и чуть повыше пирсов второй эскадры подлодок, не торопясь рассматривал книги нового завоза, а у соседнего прилавка с канцтоварами с десяток женщин закупались для своих детей к скорому первому сентября. Как принято у них, одновременно обсуждали сразу в три-четыре голоса все свои насущные дела.

Одна из них, судя по всему, совсем недавно прибывшая в Полярный с Большой земли ужасом запричитала:

— Господи! Да что ж за жизнь здесь у вас? Вчера иду от школы вниз по улице, смотрю: у дома, где травка и какие-то камни, дошколята с подростками котятками играют. Подошла и чуть в обморок не упала: это не котята, а здоровенные крысы!

На высокой ноте она замолчала, ожидая возмущенного сочувствия, но собеседницы с некоторым удивлением посмотрели на крикунью-паникершу и продолжили интересный разговор об ожидаемом со дня на день завозе в одежный отдел Циркульного магазина женских плащей и польских костюмов...

Даже у моряков к крысам наблюдалось двойственное отношение: на корабле — после натовцев враг номер один, на суше — пусть себе живут.

◆ Раньше, бывая в дэкафе, Николай, ясно дело, ни одной крысы не видел, в присутственных местах те не появляются, не мозолят глаза людям. Их место обитания — удаленные от многолюдства подсобные полу- и просто подвальные помещения. К числу таких в полной мере относились владения Николая: собственно электробудка и — особенно — подвальная склад-мастерская.

С первых дней пребывания в должности Николай стал отличать друг от друга наиболее выдающихся крыс в их большой стае. Некоторым даже стал давать имена. Набегался от излишнего усердия со стремянкой по дэкафу в первый рабочий день, вернулся в электробудку, сел на диван, откинувшись на его спинку, отдыхает Николай. Даже слегка задремал под тихую и спокойную музыку из настенного громкоговорителя, подключенного к городской радиотрансляции. Но недолго дремал: из динамика раздались тревожные ноты полонецких плясок из «Князя Игоря» Бородина с сотоварищи, как шутила их учительница музыки Клара Семеновна. Увидев же недоумение в глазах младших школьников, с ученым апломбом выпускницы Ленинградской консерватории — мужа перевели с Балтфлота на Северный — объяснила: Бородин так был увлечен химическими опытами, что за полтора десятка лет так и не сумел дописать оперу, что сделали после его смерти друзья-композиторы: Римский-Корсаков, кстати морской офицер, и другие.

Увлечись, Клара Семеновна, явно тоскуя по прежней кафедре теории музыки, где она только-только стала доцентом, явно сверх всякой школьной программы стала рассказывать о непревзойденной оркестровке полонецких плясок, сделанной в тридцать четвертом году Касьяном Голизовским...

Но здесь приятные воспоминания прервало тихое попискивание, различимое даже на фоне оперного хора. Николай повернул голову направо, в сторону темной — свет там включался по необходимости — половины комнаты с ее сложным электрохозяйством: распределительными и управляющими щитами, кабельными подводками и всем прочим. На порожке, разделявшем половины электробудки, на границе света и темноты сидела очень уж крупная крыса с нехарактерной для ее племени рыже-красной подпалиной на холке. Подняв мордочку вверх и немигающе глядя глазами-бусинками на громкоговоритель, она попискивала явно в такт... Николай никак не мог вспомнить тот музыкальный термин, которым Клара Семеновна называла хорошие всплески женских голосов во второй части полонецких плясок.

Крыса отметила внимание к ней Николая и бесшумно ушмыгнула в темноту. Увидев ее же на другой день, окрестил Касьяном. Еще через несколько дней сообразил: Касьян является вожаком ста дэкафовских крыс. Как бы сказал здесь Шерлок Холмс: сработало дедуктивное мышление. Знакомя Николая с электрохозяйством дэкафа, отец рассказывал и о всяких тонкостях, в частности, что в здании существует перекося фаз, то есть от ближней к дэкафу трансформаторной подстанции ко вводному кабелю в электробудку поступает трехфазное 380/220 вольт* напряжение, которое на распределительном щите «расщепляется» на двухфазное, обычное двестидвадцативольтовое, которое может сниматься с любых двух из трех вводных фаз.

Когда при строительстве здания проектируют разводку электросети, как хорошо понимал Николай, то рассчитывают равномерную загрузку всех трех фаз вводного кабеля. Но дэкаф был столь древен и много раз за свое существование дораивался и менял обветшалую электропроводку на новую, что изначальная разводка ушла в небытие. Отсюда случился и перекося фаз.

Поскольку же это внешне ни на чем не сказывалось в жизни дэкафа, то это никого не интересовало.

* Технически грамотные люди и старшие школьники из необремененных долларами-евро семей поймут, а остальным это необязательно знать. — Прим. авт.

— Вот смотри,— отец подошел в щитовой части электробудки к месту, где через отверстие в полу на уровень человеческого роста до плеча по стене поднимался толстый вводной кабель,— конец кабеля освобожден от стальной оплетки, фазные провода разведены в стороны и болтами наглухо принайтрованы к трем голым медным шинам, которые закреплены снизу на фарфоровых изоляторах и упираются в распределительный щит. На ощупь шины теплые: хотя они и толстые, а в ширину, как видишь, в пол-ладони, но все равно греются градусов до тридцати пяти. Но не сами по себе, а от тепла контактов соединения с двух сторон.

Теперь потрогай пальцем каждую из фазных шин. Постарайся другими не попасть на последнюю. Не бойся, электрик не должен бояться, но всегда имеет в виду: где безопасно, а где тряхнет. Главное, чтобы ладони сухими были.

...Действительно, две фазные шины тепловаты на ощупь, а левая немного погорячее.

— Вот это и есть перекося фаз в действии,— ухмыльнулся отец,— крысы *наши* на шинах греются, но когда свет в электробудке горит, они сами спрыгивают на пол и уходят в свои норы. Пол под разводными щитами, как видишь, песчаный — по требованиям техники безопасности.

Действительно, как убедился впоследствии Николай, входя по прибытии на работу и включая свет в жилой части электробудки,— на каждой из трех медных шин сидело и блаженствовало по одной крысе: непременно Касьян на «перекошенной» самой теплой.

«Та-а-к,— подтвердил свою прежнюю догадку Николай,— Касьян у них вожак, а две другие — адъютанты.

В подвальном же складе-мастерской крысы обитали в дальнем углу, где стены из вырубленного гранита даже не были оштукатурены, а сам угол был завален старыми осветительными для сцены прибабасами: прожекторами, софитами и прочим хламом. Когда Николай, пригибаясь, входил в подвал и включал свет, то крысы, гремя хрустким железом софитов и прожекторов, исчезали из вида в свои здешние норы.

...Уже через пару недель Николай настолько привык к своим соседям, что даже зауважал крыс за их дисциплинированность. Главное — они не бегали под ногами и не забирались на его рабочие столы — в электробудке и в подвальной мастерской. Заболеть желтухой от крысиного присутствия он не опасался, ибо переболел боткинской болезнью еще в пятом классе, когда семья проживала на маяке острова Большой Олений, а он в интернате при школе.

«Живи и жить давай другим»*, как часто цитировала какого-то старого поэта всезнающая Людмила Евгеньевна.

* Из стихотворения Г. Р. Державина «На рождение царицы Гремиславы», посв. Л. А. Нарышкину.— Прим. авт.